

92

Т. М. Тумаковъ.

საქართველოს
საბჭოთაო სკოლა

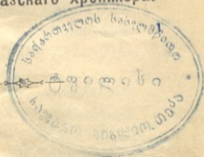
ХАРАКТЕРИСТИКИ

И

ВОСПОМИНАНІЯ.

R 1.133
10

Замѣтки навказскаго хроникера.

ТИФЛИСЪ.

Типогр. К. Мартиросіанца. Орб., № 1—2.

1900.

Handwritten notes at the bottom: 76 სტ. ნაშ. ნომ. (15 x 11) [6

რადიკალი

ქართული
ნაციონალური
ბიბლიოთეკა

Дозволено цензурою. Тифлисъ, 17-го сен-
тября 1900 года.

რავ. № 102

150.

53

საქართველოს
ხალხთა ეროვნული
ბიბლიოთეკა

Предлагаемые очерки печатались первоначально въ газ. „Новое Обозрѣніе“ урывками и имѣютъ характеръ легкихъ набросковъ, а не полныхъ біографій, мемуаровъ или критико-историческихъ монографій. Очерки эти къ тому же, быть можетъ, и нѣсколько односторонни. Они большею частью писались по случаю смерти, юбилея или иного торжества, и поэтому имѣютъ въ виду отмѣтить скорѣе сильныя, чѣмъ слабыя стороны дѣятельности даннаго лица.

Несмотря на это, я рѣшился собрать указываемые очерки за много лѣтъ (1892—1900 гг.) и представить ихъ вниманію публики. Я полагаю, что они могутъ явиться нѣкоторымъ противовѣсомъ тому обилію памфле-

товъ, которые пишутся у насъ на всякаго сколько-нибудь выдающагося общественнаго дѣятеля.

Такихъ дѣятелей у насъ немного и результатъ ихъ дѣятельности не великъ, вслѣдствіе не всегда благопріятныхъ условій, среди которыхъ имъ приходится дѣйствовать. Я хотѣлъ подчеркнуть заслуги ихъ и такимъ способомъ популяризировать все то доброе, что имъ удалось сдѣлать на своемъ трудномъ пути.

Сентябрь 1900 г.

Тифлисъ.

Г. Е. Церетели
(1842—1900).

Несмотря на нѣкоторыя увлеченія Церетели при жизни и партійную борьбу, смерть его вызвала во всѣхъ слояхъ общества и печати искреннее сожалѣнiе. По общему признанiю, это былъ человѣкъ талантливый и трудолюбивый. Мало того, онъ весь былъ преданъ общественнымъ интересамъ и всю жизнь свою посвятилъ общественной дѣятельности.

Въ исторiи грузинской печати онъ сохранилъ свое имя, какъ первый редакторъ первой грузинской газеты («Дрозба») и какъ талантливый беллетристъ.

Въ исторiи грузинской журналистики это былъ, можно сказать, первый профессиональный журналистъ. Первый редакторъ перваго грузинскаго жур-

нала «Дискари» кн. Георг. Эристави
 былъ весь поглощенъ театромъ и жур-
 налу удѣлялъ немного времени. Жур-
 наль перешелъ къ И. Кереселидзе,
 который, какъ человекъ малообразо-
 ванный и малодаровитый, не имѣлъ
 никакого вліянія на общество. За-
 тѣмъ появился кн. Ил. Чавчавадзе
 съ новымъ журналомъ «Грузинскій
 Вѣстникъ», но послѣдній просуще-
 ствовалъ только одинъ годъ. Въ
 1866 году кружокъ грузинской мо-
 лодежи начинаетъ издавать первую
 грузинскую газету и въ редакто-
 ры приглашаетъ Г. Церетели, мо-
 лодого человека, только что вер-
 нувшагося изъ Петербурга и переби-
 вающагося уроками. Г. Церетели,
 взявшись за газету, сохраняетъ за со-
 бой уроки, внослѣдствіи открываетъ
 типографію, поступаетъ на службу на
 желѣзную дорогу, принимается за
 промышленную дѣятельность, но все
 это у Церетели всегда остается на
 второмъ планѣ. На первомъ планѣ у
 него—литература, въ самыхъ разно-

образныхъ видахъ. Оставивъ газету «Дрозба», онъ издаетъ «Сельскую Газету», затѣмъ журналъ «Кребули», ѣдетъ въ Турцію военнымъ корреспондентомъ «Голоса», сотрудничаетъ въ газетахъ «Иверія» и «Тифлисскій Вѣстникъ», занимается археологическими изысканіями и издаетъ отдѣльныя книги; сотрудничаетъ въ «Новости», «Нов. Об.», «Кавк.», «Джеджили», «Квали» и пр. Такимъ образомъ, всю жизнь онъ посвящаетъ мѣстной, главнымъ образомъ, грузинской литературѣ. Словомъ, это былъ первый профессиональный грузинскій писатель и журналистъ.

* * *

Теперь я позволю себѣ перенестись къ своимъ личнымъ воспоминаніямъ о покойномъ.

Впервые мнѣ пришлось видѣть Г. Е. Церетели давно, очень давно—въ 1866 году. Я учился въ пансіонѣ Кипіани, а онъ былъ совсѣмъ еще юнымъ учителемъ. Что онъ преподавалъ намъ—не помню. Его личность

слишкомъ была оригинальна, и она заслоняла передъ нами тотъ предметъ, который онъ читалъ. Вся фигура его дышала юношескою свѣжестью и поэтической мечтательностью.

Онъ не былъ вовсе похожъ на другихъ учителей—ремесленниковъ. Мы знали, что онъ—литераторъ, мы знали и то, что онъ принимаетъ горячее участіе въ грузинскихъ любительскихъ спектакляхъ. И литература, и театръ кружили наши дѣтскія головы и мы днемъ и ночью мечтали устроить спектакль или завести газету. Подъ вліяніемъ той атмосферы, которою мы дышали въ то время въ пансіонѣ, намъ удавалось и то, и другое. Въ спальнѣ наскоро мы сколотили сцену и тайкомъ отъ воспитателей устраивали русскіе и грузинскіе спектакли. А затѣмъ мы набрались смѣлости издавать грузинскую газету. Во всѣхъ этихъ нашихъ затѣяхъ немалую роль игралъ заразительный примѣръ нашего учителя—Г. Е. Церетели. Особенное вниманіе онъ обратилъ

на нашу газету и одобрительными отзывами поощрялъ наши литературные дебюты.

Выйдя въ 1867 году изъ пансіона и поступивъ въ гимназію, я на нѣкоторое время потерялъ изъ виду своего учителя. Но ненадолго. Въ 1871 году сталъ издаваться подъ его редакціею грузинскій журналъ «Кребули». Журналъ сразу занялъ въ грузинской печати первенствующее мѣсто. Въ немъ участвовали лучшія силы: Гр. Дм. Орбелиани, Маміа Гуріели, Раф. Эристовъ, И. Г. Чавчавадзе, Ав. Церетели, Н. Николадзе и самъ редакторъ, Г. Церетели. Особенно много работалъ послѣдній и поражалъ читателя разнообразіемъ своего таланта.

Я жадно глоталъ его беллетристическія работы («Замиски путешественника», «Цвѣтокъ нашей жизни»), историческія монографіи (изъ грузинской исторіи) и публицистическія статьи (о кавказскомъ университетѣ, о ссудо-сберегат. товариществахъ и пр.). Особенно значительны были бел-

летристическія вещи и большая часть изъ нихъ была отмѣчена несомнѣннымъ художественнымъ талантомъ.

Первая часть «Записокъ путешественника» (გზავრის წერილები), появившаяся первоначально въ газ. «Дрозба», представляла рядъ юмористическихъ бытовыхъ картинокъ изъ имеретинской жизни. Отецъ мой, человекъ 40-хъ годовъ, большой цѣнитель эстетическихъ достоинствъ, пришелъ въ восторгъ отъ этихъ набросковъ и пожелалъ познакомиться съ ихъ авторомъ, тогда еще малоизвѣстнымъ молодымъ человекомъ. Романъ «Цвѣтокъ нашей жизни», по своей психологій дѣтской жизни и идеализаціи новыхъ людей, во многомъ напоминаетъ лучшія произведенія А. Шеллера - Михайлова («Гнилыя болота», «Жизнь Щунова» и пр. *).

*) Изъ послѣдующихъ беллетристич. произведеній наиболѣе значительны и были романъ „Первый шагъ“ (см. сборникъ „Опытъ“), гдѣ выведена въ вѣвъ зарождающаяся грузинская буржуазія, и

Но и эта дѣятельность Г. Церетели продолжалась не очень долго — всего около 2-хъ лѣтъ.

Въ 1873 г. онъ уѣхалъ за границу, и я его на нѣсколько лѣтъ потерялъ изъ виду.

Въ третій разъ я встрѣтилъ Г. Церетели въ 1878 г., въ качествѣ русскаго публициста. Это было сейчасъ послѣ войны. «Тифлисскай Вѣстникъ» въ то время былъ оставленъ К. Бибуровымъ, который переехалъ въ Петербургъ. Газета, покинутая своимъ основателемъ и главными сотрудниками, переживала трудную минуту. Г. Церетели приглашенъ былъ туда съ тѣмъ, чтобы «наполнять газету». И вотъ Г. Церетели наполнялъ дѣйствительно газету самымъ разнообраз-

повѣсть „Тетка Асматъ“ (отдѣльное изданіе). Къ сожалѣнію, на русскій яз. переведено изъ Г. Церетели весьма немного. Насколько помню, — только рассказы „Сѣрый волкъ“ и „Рассказъ старшины“, напечатанные въ „Новомъ Об.“ въ прежніе годы.

нымъ матеріаломъ—передовыми статьями, фельетонами, театральными рецензіями, политич. обозрѣніями и пр. Онъ и тутъ обнаружилъ ту удивительную отзывчивость на все доброе и живое въ обществѣ, безъ которой немислимъ настоящей журналистъ. Въ немъ дѣйствительно трепеталъ пульсъ общественной жизни, и читатель его всегда бывалъ захваченъ интересомъ минуты.

Я помню большой успѣхъ статей Г. Церетели въ «Тифл. Вѣстн.» о роли судебныхъ переводчиковъ. Вопросъ этотъ былъ поднятъ въ судѣ В. Д. Спасовичемъ, въ качествѣ защитника Чхотуа въ надѣлавшемъ въ свое время много шуму процессѣ Андреевской. Чутьемъ журналиста Г. Церетели угадалъ все значеніе этого вопроса для современной кавказской дѣйствительности и страстно принялся пропагандировать сближеніе суда съ жизнью.

Въ то же время, въ 1878—79 гг., въ Тифлисѣ составилъ небольшой кружокъ любителей грузинской сцены,

который задумалъ возстановить по
стоянную грузинскую сцену,
дѣйствительно, кружокъ успѣлъ
рѣ достигнуть).

Чтобы вызвать симпатіи публики
къ этому дѣлу, необходима была пе-
чатная пропаганда и частое устрой-
ство любительскихъ спектаклей.
Спектакли стали устраиваться, а для
ихъ муссированія среди читателей
«Тифл. Вѣстника» члены кружка
обратились къ содѣйствию Г. Церетели.

Онъ чрезвычайно сочувственно от-
несся къ этой идеѣ и сталъ давать
въ «Тифл. Вѣстн.» подробныя рецен-
зии. Но онъ не ограничился этимъ
и принялся писать драмы. Для тог-
дашняго бѣднаго грузинскаго репер-
туара всякая новая пьеса являлась
просто кладомъ, и члены кружка за-
ранѣе предвкушали удовольствіе по-
ставить новую оригинальную пьесу.

Но драмы Г. Церетели не сразу
были поставлены и не имѣли на сце-
нѣ успѣха.

Драмы эти не лишены были ли-

тературныхъ достоинствъ, но въ нихъ слышался имеретинскій гонь, и онѣ обезцвѣчивались къ тому же общими мѣстами. А жаргонъ этотъ въ прежнихъ пьесахъ Г. Эристова и З. Антонова уже успѣлъ опошлиться. Нужно принять во вниманіе и то, что грузинская труппа состояла почти исключительно изъ комиковъ, не подходящихъ для сильныхъ драматическихъ ролей.

Четвертая встрѣча моя съ Г. Церетели имѣла мѣсто значительно позже—лѣтъ 7—8 тому назадъ, когда онъ вмѣстѣ со своей женой основывали «Квали».

На этотъ разъ онъ являлся грузинскимъ публицистомъ и претендовалъ на роль руководителя грузинскаго общественнаго мнѣнія. Разнообразіе таланта было прежнее. Опять онъ писалъ и беллетристическія, и историческія, и публицистическія статьи. Но публицистическая жилка преобладала. При этомъ онъ шелъ уже не за общимъ теченіемъ, а

какъ бы въ разрѣзъ съ нимъ. Опытъ жизни убѣдилъ, что существующая партія слишкомъ односторонни и необходимо создать противобѣсъ имъ. Къ старому поколѣнiю онъ и раньше не примыкалъ, а отъ своего поколѣнiя 60-хъ годовъ онъ теперь откололся. Онъ провозгласилъ народненiе третьей партiи (მეცამეოფანი), которая должна идти новою дорогою. Увлечение его, вмѣстѣ съ молодежью, экономическими вопросами имѣло ту хорошую сторону, что исправляло односторонность теченiя 60-хъ и 70-хъ годовъ.

Другою характерною чертою новаго направленiя Г. Церетели была національная терпимость. Его дружба съ армянами не правилаь известной группѣ грузинскаго общества и когда онъ согласился войти въ составъ тифлисской городской думы, то стала вестись среди этой группы сильная агитація противъ него. Агитація эта, наконецъ, вынудила его оставить думу. Во всякомъ случаѣ, его надгробная рѣчь

объ Арцруни и сближеніе съ армянскими литературными кружками и въ свое дѣло: они въ известной степени смягчили обострившіяся-было взаимныя отношенія этихъ двухъ совместно живущихъ народностей.

Въ пятый и послѣдній разъ я видѣлъ Г. Церетели въ роли промышленника дѣятеля. Строго говоря, его нельзя было назвать дѣтелемъ въ этой сферѣ. Ему здѣсь не удавалось выходить изъ области смѣлыхъ замысловъ, не удавалось вступать твердой ногой на почву практическаго ихъ осуществленія. Планы его были слишкомъ широки, сравнительно съ окружавшею его узкою дѣйствительностью. Вѣчно онъ искалъ крупныхъ предпринимателей, крупные капиталы, потому что былъ убѣжденъ, что при нашей богатой природѣ для нихъ у насъ имѣется просторное поле.

Зная эту слабость покойнаго, его литературные и личные противники не брезгали обвинять его въ стремле-

къ матеріальнымъ благамъ. Но
 о былъ близко знакомъ съ нимъ, тотъ
 зналъ, что онъ всю жизнь оставался
 типичнымъ безсребреникомъ. Его въ
 этихъ предпріятіяхъ болѣе всего зани-
 малъ процессъ народненія крупной
 промышленности, но отнюдь не воз-
 можность сразу разбогатѣть. Промыш-
 ленность онъ считалъ великимъ фак-
 торомъ цивилизаціи и желалъ быть
 посвященъ въ ея тайны, желалъ быть
 участникомъ въ созиданіи этой про-
 мышленности. Онъ почти съ такимъ же
 увлеченіемъ создавалъ разныя комби-
 націи на этой почвѣ, съ какимъ увле-
 ченіемъ предавался художественному
 творчеству. Эта дѣятельность заним-
 ла его безотносительно къ тому, мог-
 ла ли она дать дѣйствительно мил-
 ліоны или совершенно разорить, ли-
 шить его и того достоянія, которое
 онъ получилъ отъ отца. Высшимъ
 блаженствомъ было для него жить въ
 мірѣ грезъ; онъ слишкомъ неохотно
 спускался на землю изъ своихъ обла-

ковъ, чтобы серьезно думать о материальномъ достаткѣ. Это былъ типичнѣйшій идеалистъ, хотя всю жизнь пропагандировалъ реализмъ и даже материализмъ (экономическій).

1900 г.

И. Л. Бахтадзе

(† 1900 г.).

Между Г. Церетели и Ил. Хонели есть некоторое сходство, и потому переходъ отъ перваго ко второму вполне естествененъ.

Какъ тотъ, такъ и другой дебютировали въ мѣстной печати юмористическими очерками сельской имеретинской жизни и завоевали сразу симпатіи читателей именно этими очерками. У обоихъ обнаружился неоспоримый юмористическій талантъ; у обоихъ—одно поле наблюдений. Оба они были пионерами газетнаго дѣла на Кавказѣ и, вѣчно волнующимися интересами минуты, не могли существовать безъ газеты и внѣ газетнаго міра.

Но это сходство было чисто внѣшнее. Между ними была и глубокая разница. Это была разница двухъ по-

колѣній: шестидесятниковъ и восьми-
десятниковъ. Какъ сколько Г. Церетели
увлекался общими идеями, общими
интересами, настолько Ил. Хонели
былъ поглощенъ запросами личной
морали, вопросами чести и совѣсти,
вѣрнѣе сказать, онъ не столько затра-
гивалъ какіе бы то ни было вопросы,
сколько билъ или защищалъ своимъ
бойкимъ перомъ отдѣльныхъ лично-
стей. >

Г. Церетели поднималъ въ своихъ
разказахъ, романахъ, пьесахъ, пуб-
лицистическихъ статьяхъ глубокіе
коренные вопросы грузинской жизни
о воспитаніи, объ исторической роли
дворянства, о высшемъ образованіи, о
развитіи буржуазіи, о роли родного
языка въ общественныхъ учреждені-
яхъ и школахъ, о взаимныхъ отношені-
яхъ національностей и пр., и пр.
Ил. Хонели намѣчалъ отдѣльныхъ
индивидуумовъ, которые, по его мнѣ-
нію, производили гнетъ на окружаю-
щую среду и которые достойны бы-
ли бичеванія. И онъ съ одинаковою

страстностью бичеваль и часурного вѣреннаго, доведшаго несчастнаго до самоубійства, и всѣми уважаемаго обществ. дѣятеля. Во имя какихъ общественныхъ идеаловъ онъ велъ эту ожесточенную войну? Общественныхъ идеаловъ въ сколько-нибудь конкретномъ видѣ нельзя уловить въ его многочисленныхъ фельетонахъ. Онъ ведетъ войну во имя свободы личности, во имя правъ отдѣльныхъ группъ. Онъ защищаетъ отдѣльныя небольшія группы противъ гнета общественныхъ учреждений. Онъ протестуетъ противъ излишняго обложенія городомъ духанщиковъ, противъ незаконныхъ взысканій съ плотовщиковъ, противъ открытія городомъ бесплатной аптеки, которая разоряетъ де содержателей частныхъ аптекъ, и пр. При этомъ фельетонистъ слишкомъ мало говоритъ о тѣхъ общегородскихъ нуждахъ, для удовлетворенія которыхъ создаются всѣ эти возмущающія его стѣсненія отдѣльныхъ группъ. Забывается, что ни аптекари,

ни духанщики, ни даже ^{и некоторые} плотовщики не настолько ^{обидны} чтобы ихъ вовсе освободить отъ жертвъ на общественныя нужды.

Въ подобныя ошибки впадалъ Хонели, по моему мнѣнію, вслѣдствіе отсутствія опредѣленныхъ взглядовъ на общественные вопросы, вслѣдствіе увлеченія личною моралью. Онъ часто напоминалъ болѣе адвоката или прокурора, чѣмъ писателя. Онъ видѣлъ фактъ и входилъ въ его обсужденіе, не освѣщая его съ точки зрѣнія общихъ принциповъ. Это же безразличное отношеніе къ принципамъ выражалось въ томъ, что онъ могъ сотрудничать въ газетахъ противоположныхъ направленій.

* * *

Въ первый разъ, сколько помню, Хонели выступилъ въ 1882 году, въ газетѣ «Кавказъ», подъ редакціей покойнаго кн. Д. Г. Эристова. Онъ писалъ въ фельетонахъ обзорѣніе русской жизни и иногда мѣстной, кавказской. Почти одновременно

съ нимъ выступили на литературное поприще гг. Кезели (Зоиль, Дань, Сослани) и I. Меунаргіа. Упоминаю о нихъ потому, что всѣ эти трое являются писателями, какъ бы, одной школы восьмидесятниковъ. Они внесли въ кавказскую печать легкій фельетонный жанръ. Живой языкъ, каламбуры, остроты, юморъ, а главное—страстное отношеніе къ злобѣ дня, именно дня, а не эпохи,—вотъ характерные признаки этой школы.

Первые дѣятели газетнаго дѣла на Кавказѣ, какъ, напримѣръ, Г. Церетели, Г. Арцруни или А. В. Степановъ и др. были не столько фельетонистами, сколько передовиками. Они старались увлечь своихъ читателей болѣе новизной мысли, важностью затрогиваемаго вопроса и пр., чѣмъ каламбуромъ, каррикатурой и пр.

Хонели писалъ въ «Кавказѣ» при Эристовѣ, около 2-хъ лѣтъ. Его фельетонъ о дѣлахъ городского кредитнаго общества, рисовавшій въ яркихъ краскахъ безпорядки этого банка, про-

извелъ на общество впечатлительнѣе. Пошло дѣло чуть не до дуэли съ покойнымъ Алатуни, и неприятности, вызванныя этимъ инцидентомъ, охладили отношенія между впечатлительнымъ сотрудникомъ и не менѣе впечатлительнымъ редакторомъ. Хонели послѣ этого пробовалъ писать въ только-что народившемся «Нов. Об.» при Стенановѣ, а затѣмъ въ «Иверинъ», когда она стала ежедневной газетой, но какъ-то не сошелся съ редакторами и вскорѣ совсѣмъ бросилъ писать.

Онъ поступилъ на службу по вѣдомству управленія госуд. имущ. Въ то время министерство задумало собрать матеріалы для изученія экономическаго быта госуд. крестьянъ въ Закавказьѣ и съ этой цѣлью командировало въ разныя мѣстности края молодыхъ людей, которые, по заранѣе составленной программѣ, собирали матеріалы. Въ числѣ интеллигентной молодежи, горячо взявшейся за это дѣло, былъ и Хонели. Онъ составилъ интересный очеркъ чрезвычайно запу-

таннаго податнаго обложенія, ^{Труда} и ^{представлен} этотъ и до сихъ поръ представляется довольно замѣтнымъ вкладомъ въ литературу о Кавказѣ.

Въ 1887 г., закончивъ эту работу, Хонели сдѣлался секретаремъ и однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ «Нов. Обозр.», когда тамъ писали гг. Николадзе, Сослани и др. Маленькіе фельетоны и безхитростные рассказы Хонели составляли любимое чтеніе для многихъ и создали ему имя остроумнаго фельетониста.

Въ 1891 г., съ переходомъ «Нов. Обозр.» къ Тумановымъ, прекратилось сотрудничество Хонели въ этой газетѣ.

Причинъ тому было очень много; между ними и матеріальныя. Хонели, желая обезпечить свое положеніе въ новой редакціи, поставилъ одно трудно исполнимое условіе. Онъ поставилъ условіемъ, чтобы оплачивались не только появляющіяся въ печати статьи, но и тѣ изъ его статей, которыя задерживались цензурой. А такъ какъ

статей послѣдней категоріи въ то время у Хонели было очень много, то новая редакція нашла для себя это условіе очень тяжелымъ.

Быть можетъ, и удалось бы устранить эти затрудненія, если бы не являлись еще другія. Дѣло въ томъ, что Хонели какъ разъ въ это время велъ на страницахъ «Нов. Об.» горячую кампанію противъ епископа Гавриіла, дѣятеля, очень популярнаго въ передовой части грузинскаго общества. Новая редакція не сочувствовала этой кампаніи и не могла дать Хонели полной свободы въ этомъ отношеніи.

Когда появился первый № «Нов. Обзоръ» подъ редакціей Тумановыхъ, а въ немъ—передовая статья, поясняющая задачи новой редакціи, то Хонели усмотрѣлъ въ этой статьѣ отреченіе новой редакціи отъ прежней программы. Новая редакція заявляла, что она будетъ избѣгать «пѣтушинаго боя», полемики на личной почвѣ, и Хонели понялъ, что онъ не

сойдется съ новымъ составомъ редакціи. «Академическія статьи» воюють газету, говорилъ онъ мнѣ. Мы (т. е. старая редакція) все испробовали и долгимъ опытомъ пришли къ заключенію, что наши читатели—дѣти и умѣютъ читать только задорныя статьи» *).

*) Я бы не остановился на причинахъ ухода Хонели изъ „Нов. Об.“, если бы друзья покойнаго не придавали этому факту неправильнаго освѣщенія. Такъ, напр., фельетонистъ „Россіи“ Old Gentleman (онъ же г. Амфитеатровъ, какъ самъ раскрылъ свой псевдонимъ) пишетъ по случаю смерти Хонели, между прочимъ, слѣдующее. „Цензурныя условія заставили г. Николадзе передать газету въ чужія руки. Кромѣ того, капиталистическая домовладѣльческая партія, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ г. Николадзе, довела его, — по словамъ фельетониста, — до необходимости разстаться съ газетой и продать ее кн. Тумановымъ... А Хонели остался изнывать въ Тифлисѣ, — именно, изнывать, потому что молчать публицисту, когда у него кипитъ душа и молодыя мысли плодотворно роятся, какъ пчелы въ

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ
 этого Хонели появился въ ^{«Кавказъ»} издававшемся въ то время подѣ ре-
 дакціей г. Милютина. Любимыми его
 темами тогда были—банковскія дѣла
 (онѣ поддерживалъ такъ-называемую
 мачабеловскую оппозицію) и городское
 управленіе (онѣ, какъ позже г. Велич-
 ко, вопросъ ставилъ на почву націо-

нешній день, это казнь, горше которой
 нѣту“.

Изъ этого заявленія фельетониста
 „Россіи“, пожалуй, иной заключить, что
 новая редакція принадлежала взаправду
 къ „капиталистической и домовладѣль-
 ческой партіи“ и что именно вслѣдствіе
 этого прекратили работу въ „Нов. Об.“
 Хонели и г. Николадзе. Почему прекра-
 тилъ Хонели свое сотрудничество въ
 „Нов. Об.“—я уже изложилъ выше. Дѣй-
 ствительныя причины, изложенныя мною,
 не имѣютъ ничего общаго съ вымыш-
 ленною фельетонистомъ „Россіи“ причи-
 ной. Что же касается г. Николадзе, то онѣ
 вовсе не разстался съ „Нов. Обозр.“
 при переходѣ послѣдняго къ Тумановымъ,
 какъ увѣряетъ г. Old Gentleman, а,
 напротивъ, остался и чуть ли не въ каж-

нальной и религиозной розни). Въ этой роли серьезнаго публициста Хонели оказался значительно слабѣе, чѣмъ ранѣе—въ роли простаго фельетониста. Его статьи за это время носили характеръ узкой партійности и личнаго раздраженія. Не было ни прежняго юмора, ни прежняго остроумія.

домъ №-рѣ помѣщаль здѣсь свои статьи въ продолженіе двухъ лѣтъ послѣ того (1891—93 гг.). Г. Николадзе при Тумановыхъ въ „Нов. Об.“ продолжалъ нападать на тифлисскую „капиталистическую домовладѣльческую партію“ и при томъ въ болѣе рѣзкомъ тонѣ, чѣмъ когда нибудь прежде, даже тогда, когда самъ редактировалъ газету.

Распространяться объ инсинуаціяхъ, которыя себѣ позволяютъ иные изъ литературныхъ противниковъ пишущаго эти строки и его товарищей по редакціи „Новаго Обозрѣнія“, считаю излишнимъ. Считаю излишнимъ опровергать подобныя инсинуаціи въ силу афоризма à la Кузьма Прутковъ, который приводитъ въ другомъ случаѣ самъ г. Old Gentleman: „душамъ низкимъ свойственны подозрѣнія гнусныя“.

Съ переходомъ же «Кавказа» въ 1897 г. въ другія руки, литературная дѣятельность Хонели почти вовсе прекратилась.

Онъ большею частью жилъ въ деревнѣ, занимался съ дѣтьми въ училищѣ своей сестры, а въ прошломъ году былъ избранъ оцѣнщикомъ въ михайловскомъ земельномъ банкѣ (въ Кутаисѣ).

* * *

Обозрѣвая литературную дѣятельность Хонели, продолжавшуюся болѣе 15 лѣтъ, невольно поражаешься несоотвѣтствіемъ ничтожныхъ результатовъ ея съ тѣмъ талантомъ и любовью къ своему дѣлу, которыми онъ несомнѣнно обладалъ. Все, что такъ долго писалось, погибло вмѣстѣ со старыми №№-рами газетъ. Отдѣльная книжечка его рассказовъ и фельетоновъ, нужно сознаться, не имѣла успѣха въ публикѣ.

Самъ Хонели не былъ доволенъ собой. Жалоба на свою судьбу, казалась, была вѣчнымъ его удѣломъ. «Нѣтъ у меня собственнаго органа!»

всегда жаловался онъ и даже негодоваль.

Конечно, имѣть собственный органъ для публициста чрезвычайно важно. Но если не было собственнаго, то неужели не находилось другихъ органовъ, которые были бы достойны пера Хонели. Ю. Н. Милютинъ, напротивъ, сколько мнѣ извѣстно, предоставлялъ Хонели въ «Кавк.» довольно широкій просторъ. А между тѣмъ въ эту именно пору Хонели болѣе всего жаловался на свою судьбу. Ему оказывали гостепримство и другія изданія: грузинскія «Моамбе» и «Квали» и русское—«Россія». Но въ нихъ Хонели почти вовсе не появлялся. Отчего?

Проще всего объяснить это всѣмъ характеромъ его литературной дѣятельности.

У Хонели не было опредѣленнаго направленія, установившихся принциповъ. Дѣйствуя по вдохновенію, сегодня такъ, завтра иначе, онъ въ чужой газетѣ всегда долженъ былъ ожидать столкновенія съ тѣмъ направле-

ніемъ, котораго эта газета держится. Онъ, конечно, могъ перейти въ другое изданіе, но, вѣдь, и здѣсь его ожидало бы то же самое. Когда вѣруешь въ какой-нибудь идеаль, охотно жертвуешь всякими мелочами для достиженія его: невольно сходишься съ людьми, съ которыми не во всемъ согласенъ, споришь и убѣждаешь ихъ долго, но съ тѣмъ, чтобы, въ концѣ концовъ, все же придти къ какому-нибудь компромиссу. Это не сдѣлка съ совѣстью, такъ какъ главные принципы жизни не только отъ того не страдаютъ, а, напротивъ, получаютъ осуществленіе. Осуществленіе это не полное, но все же—осуществленіе, а не прозябаніе. Не таковъ былъ Хонели. Его увлекали не идеи, а симпатіи, то или другое освѣщеніе нравственной фізіономіи данной личности или группы. Симпатіи—дѣло вкуса, а на вкусъ и цвѣтъ, какъ говорятъ, товарищей нѣтъ. Понятно, что Хонели и не могъ нигдѣ найти осѣдлости.

Примѣръ Хонели очень поучителенъ.
Онъ блестяще доказываетъ, какъ без-
плоденъ талантъ, когда онъ не освѣ-
щенъ руководящими началами жизни
и не согрѣтъ стремленіемъ къ широ-
кимъ идеаламъ.

1900 г.

Г. А. Джаншиевъ
(1851—1900).

Въ предыдущей главѣ я говорилъ о Хонели. По своему писательскому темпераменту Джаншиевъ представлялъ совершенную противоположность Хонели.

Послѣдній все время *бичевалъ*, первый все время *воспѣвалъ*. Хонели задачей всей своей жизни ставилъ борьбу со зломъ или, вѣрнѣе, съ злодѣями, Джаншиевъ же пропагандировалъ «забытыя слова» и въ яркихъ краскахъ рисовалъ героевъ этихъ «словъ». Хонели былъ сатирикъ, Джаншиевъ—апологистъ.

Большая разница между этими писателями и по сферѣ своего вліянія. У Джаншиева задачи были шире и аудиторія—больше.

Джаншиевъ хотя и кавказецъ (уроженецъ Тифлиса, армянинъ), но болѣ-

шую часть своей жизни провелъ ^{въ} Кавказа. Онъ не спеціально кавказскій, а общерусскій публицистъ. Какъ публицистъ, онъ русскому обществу, правда, ничего новаго не сказалъ, онъ не подражалъ нѣкоторымъ своимъ современникамъ, писателямъ 80-хъ гг., въ исканіи «новыхъ мозговыхъ линій», не становился на ходули, чтобы показаться гигантомъ, но вспомнилъ старое хорошее, слишкомъ скоро забываемое. Онъ широко популяризировалъ основы судебной, крестьянской, городской и проч. реформъ 60-хъ гг. Его книга «Эпоха великихъ реформъ» въ короткое время выдержала семь изданій, и уже это одно свидѣтельствуетъ о томъ, что авторъ достигъ своей цѣли—пробудилъ въ читателяхъ интересъ къ замѣчательной эпохѣ. Это не книга, а гимнъ. Она электризуетъ блестящимъ своимъ изложеніемъ и искреннимъ, неподдѣльнымъ восторгомъ автора.

Французы славятся своимъ популяризаторскимъ талантомъ, и Джанші-

евъ, во французской литературѣ, какъ популяризаторъ, быть можетъ, не пользовался бы столь выдающимся успѣхомъ, но у насъ онъ имѣлъ очень мало соперниковъ. Нужно отмѣтить, что среди немногочисленныхъ русскихъ популяризаторовъ кавказцы занимаютъ весьма почетное положеніе. Достаточно назвать, кромѣ Джаншіева, еще акад. кн. И. Р. Тарханова, всегда приводящаго въ восторгъ свою аудиторію блестящею популяризациею довольно сложныхъ научныхъ истинъ. Быть можетъ, здѣсь играетъ немалую роль южный темпераментъ, располагающій къ экспансивности.

Чарующій стиль нигдѣ не оставляетъ Джаншіева. Его вы чувствуете и въ горячей защитѣ турецкихъ христіанъ («Братская помощь» и другія книги о турецкихъ армянахъ), и въ безхитростномъ описаніи кавказской природы («Перль Кавказа»).

Джаншіевъ—не поэтъ и, кажется, никогда стиховъ не писалъ, но его проза—поэтичнѣе заправскихъ сти-

ховъ. Въ его книгѣ, чуть не въ каждой страницѣ, вы встрѣчаетесь съ истинными татами изъ лучшихъ поэтовъ и мыслителей.

Было бы несправедливо думать, что Джаншиевъ не болѣе, какъ талантливый компиляторъ. Его юридическія монографіи—плодъ продолжительнаго, кропотливаго труда ученаго юриста. Онъ для исторіи извлекъ изъ архивовъ много цѣнныхъ матеріаловъ. Монографіи эти—цѣнный вкладъ въ спеціально юридическую и историческую литературу.

Другую важную услугу, которую оказалъ Джаншиевъ обширному кругу своихъ читателей, это—ознакомленіе ихъ съ маленькою народностью, разсыпанною почти по всему міру. Я говорю объ армянахъ. Ими заинтересовалось общество въ 1895—97 гг., по случаю извѣстнаго отношенія Турціи къ населяющимъ ее христіанамъ. Въ печати извѣстнаго направленія появились статьи, полныя незнакомства съ этимъ народомъ. Кому же было взять на себя

роль популяризатора свѣдѣній, объ армянахъ, какъ не армянину и въ свѣтъ съ тѣмъ русскому публицисту. И вотъ Джаншиевъ съ этой минуты вполне поглощается своею новою задачею. Онъ одновременно пишетъ въ газетахъ объ армянахъ и собираетъ всякаго рода свѣдѣнія о нихъ для особаго сборника. Онъ обращается къ содѣйствію лучшихъ русскихъ публицистовъ, статьи которыхъ затѣмъ собираетъ и издаетъ въ отдѣльной книгѣ. Книга эта даетъ въ изящной формѣ самыя разнообразныя свѣдѣнія объ армянахъ—этнографическія, историческія, статистическія и пр. Пять лѣтъ безустаннаго труда не остались безплодными. Книга расходуется въ громадномъ количествѣ, и искренній голосъ ея составителя проникаетъ въ душу отзывчиваго русскаго читателя. Гуманное чувство послѣдняго задѣто, и любовь массы побуждаетъ злобное шипѣніе отдѣльныхъ единицъ.

Книга эта была издана съ благотворительною цѣлью, которая и бы-

да достигнута въ той ^{степени} ~~степени~~ въ какой она можетъ ^{быть} ~~быть~~ достигнута *книгой*.

Такая благотворительность вполне гармонировала съ характеромъ Джаншиева. Его мягкое, незлобивое сердце всегда чутко относилось къ чужой нуждѣ. Мнѣ кажется, не было человека, который ушелъ бы отъ него неочарованнымъ его любезностью и отзывчивостью на все доброе. Онъ предлагалъ свои услуги даже тѣмъ, которые не рѣшались просить ихъ. Достаточно было Джаншиеву знать, что онъ можетъ оказать услугу, и всякія просьбы уже были излишни—онъ самъ первый приходилъ на помощь. Не говорю здѣсь только о денежной поддержкѣ. Добрый совѣтъ, рекомендація, ходатайство—все пускалось въ ходъ, лишь бы помочь ближнему.

Помимо вышеупомянутыхъ отдѣльныхъ книгъ, у Джаншиева не мало маленькихъ статей, написанныхъ по раз-

нымъ случаямъ и канувшихъ въ Лету вмѣстѣ съ тою газетою, въ которой онѣ печатались. А гдѣ только онѣ не печатались? Онѣ всегда стоялъ внѣ партій и охотно принималъ участіе во всякомъ органѣ, отличавшемся честнымъ и прогрессивнымъ направленіемъ. И двери редакцій всѣхъ такихъ органовъ бывали для него широко раскрыты. Будучи пайщикомъ и однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ «Русск. Вѣд.», онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ въ «Вѣстн. Евр.», «Русск. Мысли», «Пет. Вѣд.», «Свѣт. Кур.», «Правдѣ», «Свѣт. Вѣстн.», «Жизни» и во многихъ другихъ изданіяхъ, которыхъ здѣсь и не перечестъ.

Наслѣдники, по моему мнѣнію, сдѣлали бы хорошо, если бы собрали всѣ эти мелкія статьи и издали ихъ особой книгой. Какъ бы статья Джаншіева ни была незначительна, она всегда будетъ читаться съ удовольствіемъ, потому что онѣ умѣлъ каждую изъ нихъ отдѣлывать и одухотворять какою-нибудь плодотворною идеею. 1900 г.

ՀԱՐԱՅԵՅԱՆ
ՆՈՅՆԱԴՐՈՒՄԸ

Г. С. Теръ-Степановъ (1851 — 1900).

Послѣ А. В. Степанова среди кавказскихъ присяжныхъ повѣренныхъ не было болѣе талантливаго, образованнаго и добросовѣстнаго адвоката по уголовнымъ дѣламъ, какъ Теръ-Степановъ. Впрочемъ, объ этихъ его качествахъ уже заявлялось во всѣхъ некрологахъ покойнаго, объ этихъ качествахъ могли бы многое сказать и его многочисленные кліенты. Въ некрологахъ подчеркивалась и необыкновенная скромность покойнаго. Не буду останавливаться и на этой чертѣ его характера. Скромность, если не всегда, то очень часто, является нестьемлемымъ свойствомъ всякаго истиннаго таланта. Вѣдь только посредствомъ усиленно рекламируетъ себя, выдаетъ себѣ аттестаты и подаетъ сама себѣ разные пышные адреса.

Я хотѣлъ бы отмѣтить одну изъ тѣхъ блестящихъ и блестящихъ чертъ въ дѣятельности покойнаго Теръ-Степанова, — его способность обобщать факты и давать имъ надлежащее общественное значеніе. Это, такъ сказать, былъ адвокатъ-публицистъ. Онъ умѣлъ влагать въ свои рѣчи принципы жизни, умѣлъ быть учителемъ. Я полагаю, что если бы онъ издалъ лучшія свои рѣчи, то получилась бы очень интересная книга. Въ ней наша жизнь находила бы во многихъ отношеніяхъ интересное освѣщеніе. Я по крайней мѣрѣ помню три его рѣчи, и во всѣхъ трехъ случаяхъ онъ былъ скорѣе публицистомъ, чѣмъ просто талантливымъ адвокатомъ.

Еще будучи помощникомъ военнаго прокурора и обвиняя Мищенко въ убійствѣ учителя Мошарскаго, Теръ-Степановъ прекрасно разъяснилъ, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать воинскую честь. Эта рѣчь произвела на общество замѣчательное и появилась не только въ мѣстной печати, но и

въ одномъ изъ распространенныхъ
столичныхъ журналовъ.

«Всякое сословіе,—говорилъ онъ,—
всякая корпорація въ государствѣ
имѣютъ, очевидно, свои традиціи, свой
нравственный кодексъ, свое достоин-
ство и свою честь. Корпорація и от-
дѣльные члены ея, нѣтъ сомнѣнія,
могутъ защищать достоинство и честь,
какъ всего сословія, такъ и отдѣль-
ныхъ членовъ его, тѣмъ съ большею
энергіею, чѣмъ дороже задача, объеди-
няющая людей въ опредѣленные кор-
пораціи, чѣмъ она жизненнѣе. Въ чемъ
же въ особенности, независимо отъ
гражданскихъ добродѣтелей, должно
заключаться достоинство воинскаго
званія. Я думаю,—продолжалъ проку-
роръ,—что въ силу самой задачи,
объединяющей военное сословіе, зада-
чи высокой и по преимуществу ры-
царской, лучшія традиціи рыцарства
и должны составлять отличительную
черту каждаго офицера, если только
онъ дорожитъ своимъ званіемъ, если
только онъ имѣетъ претензію быть

достоинством членомъ своего сословія. Поэтому онъ долженъ уважать чело-
вѣческое достоинство во всѣхъ клас-
сахъ общества, долженъ быть врагомъ
всякой не деликатности, всякаго наси-
лія, и правила вѣжливости должны
быть обязательны для него до педан-
тизма. Офицеръ, поведеніемъ своимъ
нарушающій обязательный для него
кодексъ, не можетъ и не имѣетъ уже
права защищать силой свое сословное
достоинство, и всякія дѣйствія его,
вызванныя личнымъ столкновеніемъ въ
подобныхъ случаяхъ, не могутъ быть
оправдываемы защитой чести, званія
или сословія... Вашъ вердиктъ по на-
стоящему дѣлу, гг. судьи, будетъ от-
вѣтомъ на вопросъ публики, на во-
просъ о томъ, какія гарантіи предо-
ставляются частному человѣку въ тѣхъ
случаяхъ, когда въ обыденной граж-
данской жизни онъ сталкивается съ
военнымъ. Неужели мнѣ, ежели я
статскій, при столкновеніи съ воен-
нымъ, стоять, опустя руки?!

Затѣмъ помню рѣчь покойнаго, ког-

да онъ защищалъ бывшего редактора «Нов. Обозр.», г. Успенскаго, по дѣлу Мани. Это была громовая передовая статья о скорпіонахъ, высасывающихъ изъ людей жизненные соки.

Помню; наконецъ, рѣчь Теръ-Степанова по одному болѣе позднему литературному процессу. Представитель противной стороны какъ-то высказалъ, что задача печати умиротворять, а не вносить рознь въ общественныя партіи. Теръ-Степановъ далъ этой проповѣди надлежащую оцѣнку. «Печать не сестра милосердія, замѣтилъ онъ, печать должна говорить правду и бороться за нее».

Словомъ, покойный былъ передовой общественный дѣятель, а не только юристъ,—и въ этомъ все глубокое значеніе Теръ-Степанова. Оттого его смерть и вызвала въ нашемъ обществѣ искреннія сожалѣнія. Оплакивалась утрата не только выдающагося адвоката, но и человѣка преданнаго, общественнымъ интересамъ.

1900 г.

А. В. Степановъ.

(1844—1887).

А. В. Степановъ не былъ журналистомъ по профессіи. Онъ состоялъ сначала судебнымъ чиновникомъ (членомъ судебной палаты), а впоследствии — присяжнымъ повѣреннымъ и прежде, чѣмъ началъ издавать «Юридическое Обзорѣніе» и «Новое Обзорѣніе», уже успѣлъ приобрести громкое имя въ магистратурѣ. Занять первенствующее положеніе въ судебномъ мірѣ тогда было не такъ легко. Судебные дѣятели того времени, подобно мировымъ посредникамъ перваго призыва во внутреннихъ губерніяхъ, состояли изъ молодежи съ широкимъ образованіемъ, съ передовыми взглядами на жизнь и задачи управленія. Имена Старицкаго, Макалинскаго, Смиттеновъ, Пещурова и многихъ

другихъ тѣсно связаны съ введеніемъ на Кавказѣ одной изъ крупнѣйшихъ реформъ царствованія Императора Александра II, какъ имена дѣятелей, стоявшихъ на высотѣ своего положенія—положенія реформаторовъ.

Какъ дѣятели крупнаго преобразованія, вносившаго ломку въ одну изъ значительнѣйшихъ отраслей управленія, люди эти были проникнуты духомъ великой реформы, а не одной только буквой новаго закона. По своему же духу, судебная реформа имѣла общую основу съ пореформенной печатью. Новый судъ, подобно печати, вносилъ въ жизнь равноправность и гласность—эти два великихъ начала, на которыхъ зиждились и другія реформы шестидесятихъ годовъ.

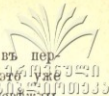
Вотъ почему казалось вполне естественнымъ, что лучший представитель кавказской магистратуры того времени не ограничился одною лишь сферой судебной практики и высту-

пилъ на литературное поприще. Это было вполне понятно.

Съ тѣхъ поръ измѣнилось многое. Судебные дѣятели болѣе замкнулись въ особую корпорацію, болѣе отдалились отъ жизни и литературы. Нѣтъ сомнѣнія, въ этой корпораціи въ настоящее время болѣе лицъ съ высшимъ, спеціально-юридическимъ образованіемъ, чѣмъ было прежде. Но цвѣтъ и направленіе учрежденію даетъ не одно лишь школьное образованіе. Прежде, помимо школы, воспитывала сама жизнь. Самый духъ времени внушалъ новымъ учрежденіямъ гуманность, жизненность и широкій взглядъ на вещи, и отставные военные, недоучившіеся семинаристы и гимназисты, которыхъ немало можно было встрѣтить въ магистратурѣ того времени, болѣе приближались къ смыслу судебныхъ уставовъ, чѣмъ кандидаты правъ, замѣнившіе впоследствии этихъ первыхъ судебныхъ дѣятелей.

Немало было спеціалистовъ-юри-

стовъ въ новыхъ судахъ и въ первое время ихъ открытія. Но это уже были не дипломированные неувѣжды, не буквоѣды и формалисты, не мандарины, а юристы съ широкимъ научнымъ образованіемъ. Несмотря на всю серьезность своей научной подготовки, первые судебные дѣятели живо слѣдили за пульсомъ жизни и прекрасно понимали, что наука и законъ должны служить жизни, въ этомъ ихъ смыслъ и назначеніе, а не стоять внѣ и выше ея, надменно пренебрегая ея запросами, ея нуждами и злобами.

Къ числу такихъ именно широко образованныхъ судебныхъ дѣятелей и принадлежалъ покойный А. В. Степановъ,

* * *

А. В. Степановъ въ 1881 г. задумалъ издавать въ Тифлисѣ еженедѣльный юридическій журналъ, а въ 1884 г. ежедневную газету съ общеою программю—«Новое Обозрѣніе».

Какъ то, такъ и другое изданіе

покойному издателю не только не приносили дохода, а, напротив, давали дефицитъ. Но не съ коммерческою цѣлью предпринялъ А. В. эти изданія. Не было у него даже надежды только окупить расходы по изданію, какъ это онъ высказалъ на редакціонномъ ужинѣ, послѣ перваго года изданія «Нов. Обзорнія», подъ новый 1885 годъ.

Мало того, у него не могло бытьъ въ мысляхъ увеличить посредствомъ газеты свою адвокатскую практику. Покойный А. В. такъ былъ по горло заваленъ дѣлами и притомъ очень крупными, что не только не искалъ кліентовъ, но и старыхъ передавалъ своимъ товарищамъ по профессіи.

И не жажда славы могла подвигнуть А. В. на журнальное поприще. Для такихъ скромныхъ людей слава лишь «звукъ пустой».

Скромность А. В. проглядывала во всемъ—и во внѣшности, и въ дѣловой сферѣ. Съ виду это былъ небрежно одѣтый, сутуловатый чело-

вѣкъ, говорившій одинаково какъ съ сильными міра сего, такъ и съ простыми никому невѣдомыми людьми. Какъ адвокатъ, онъ никогда о гонорарѣ не заботился. Гонораръ самъ шелъ къ нему. Какъ писатель, онъ не думалъ никогда подкупать читателя блестящими метафорами, иностранными цитатами и пр. Писалъ онъ въ высшей степени просто, заботясь лишь о содержательности статьи; никогда своихъ писаній не подписывалъ своимъ настоящимъ именемъ, такъ что теперь чрезвычайно трудно возстановить все имъ написанное. Его статьи можно узнать—однѣ по подписи «С-а-а-къ», а другія пожалуй только по слогу и содержанию.

У А. В. была просто потребность къ болѣе широкой дѣятельности, чѣмъ судебная,—жажда проводить въ общество тѣ новыя идеи, представителемъ которыхъ онъ являлся и въ судѣ и въ жизни. Въ то время на Кавказѣ, на русскомъ яз., вовсе

не было частныхъ изданій, а газета «Кавк.», по своей программѣ, не могла удовлетворить многихъ. Отсюда вопли понятна идея А. В. Степанова основать живой, независимый органъ*).

* * *

«Нов. Обзор.» оказалось долговѣчнѣе, чѣмъ всѣ выходившія до того на Кавказѣ частныя изданія на русскомъ яз., и въ этомъ немалая заслуга покойнаго А. В. Степанова. Пренія изданія немало обезсиливались разрозненностью тѣхъ немногихъ литературныхъ силъ, которыми располагалъ нашъ край. Достаточно вспомнить, наприм., ожесточенную полемику «Обзора» съ «Тиф. Вѣстникомъ», «Фаланги» и «Гуслей» съ «Судебными Порядками» и пр. Степановъ же, основавъ «Нов. Обзор.», сумѣлъ объединить въ немъ всѣ

*) Издававшіяся до того частныя газеты „Обзоръ“, „Тифл. Вѣстникъ“, „Фаланга“ и др. въ описываемое нами время не издавались болѣе.

лучшія литературныя силы. Изъ редакторовъ и сотрудниковъ прежнихъ изданій, каждый въ отдѣльности хотя и не принималъ близкаго участія въ газетѣ, но все же всѣ они работали въ «Нов. Об.» и не замыслили издавать другую, новую газету.

Какъ много и успѣшно приходилось бороться покойному Степанову съ тою рознью, которая царила среди кавказской пишущей братіи, можно судить по слѣдующимъ случаямъ, которые приходятъ мнѣ на память.

Въ декабрѣ 1883 года, когда у Степанова шла подготовительная работа къ изданію «Нов. Обзор.» мнѣ пришлось быть у него. Я засталъ у него двухъ мѣстныхъ литераторовъ, которые когда-то были друзьями, а затѣмъ сдѣлались злѣйшими врагами. Они продолжали пикировку и на квартирѣ Степанова, хотя казалось они навсегда раззнакомились между собой. Даже меня, сторонняго чловека, сильно волновала эта пикиров-

ка, готовая перейти въ перебранку. Но Степановъ съ христіанскимъ реніемъ несъ свой крестъ умиротворителя. Онъ напрягалъ все свои діалектическія способности, чтобы помирить то, что казалось взаимно непримиримымъ, и, помнится, достигъ своей цѣли. Гости-враги изъ уваженія къ хозяину не перешли границъ, положенныхъ для добрыхъ гостей, и бесѣда закончилась, повидимому, благополучно. Оба врага затѣмъ принимали участіе въ новой газетѣ.

Другой случай имѣлъ мѣсто въ концѣ слѣдующаго 1884 г., 31-го декабря. Степановъ пригласилъ своихъ сотрудниковъ отпраздновать ужиномъ благополучный исходъ перваго года изданія газ. «Нов. Обзорѣніе». На ужинѣ попали впрочемъ не только сотрудники, но и тѣ, кто постоянно работалъ въ конторѣ газеты. Въ самый торжественный моментъ, во время произнесенія заздравныхъ спичей, одинъ изъ служащихъ въ конторѣ счелъ себя обиженнымъ однимъ спичемъ и

сталъ протестовать съ такою энергіею, что для всѣхъ сразу пала сладость товарищескаго ужина. Можно было ожидать много очень непріятныхъ сценъ. Можно было ожидать этого, такъ какъ тотъ сотрудникъ, которому былъ брошенъ вызовъ, по пылости характера, мало уступалъ своему противнику. Но одного взгляда присутствовавшаго Степанова оказалось достаточнымъ, чтобы враги тутъ же обнялись и помирились. Сосредоточенный, глубокій взглядъ, умные глаза умѣли гипнотизировать всякаго, на кого они направлялись. И эту свою рѣдкую способность Степановъ употреблялъ на дѣло объединенія въ своемъ любимомъ органѣ всѣхъ лучшихъ литературныхъ силъ нашего края.

Степановъ сумѣлъ придать своей газетѣ характеръ принципіальнаго органа, избѣгающаго мелкой личной полемики. По своему обличительному тону, «Нов. Об.» значительно усту-

пало предшествовавшимъ изданіямъ, но зато велось разнѣе и болѣе содержательнѣе. Удалось привлечь, кромѣ мѣстныхъ силъ, и нѣкоторыя столичныя и, такимъ образомъ, въ теченіе тѣхъ 3½ лѣтъ, когда Степановъ руководилъ газетой, она заняла весьма почетное мѣсто не только среди провинціальной, но и среди столичной печати.

* *
*

Немалая заслуга покойнаго А. В. Степанова и въ томъ, что онъ сумѣлъ своему органу придать то именно направленіе, которое наиболѣе соответствовало настроенію лучшей части общества.

Въ основу направленія газетъ было положено дальнѣйшее развитіе началъ тѣхъ реформъ, которыя были дарованы внутреннимъ губерніямъ и отчасти нашей окраинѣ, въ царствованіе Императора Александра II. Развитіе городского самоуправленія, довершеніе крестьянской реформы, введеніе суда, аналогичнаго съ су-

домъ присяжныхъ, національная и
 религіозная терпимость и пр. — вотъ
 программа, которою руководились
 Степановъ и его сотрудники, и ко-
 торая далеко не потеряла своего
 значенія и въ наши дни, т. е. спустя
 15—17 лѣтъ.

Это, конечно, нисколько не мѣша-
 ло газетѣ подвергать критикѣ дѣй-
 ствія и новаго суда, и новаго го-
 родскаго управленія, и новыхъ
 крестьянскихъ учреждений. Защища-
 лись лишь ихъ основы, но не закры-
 вались глаза на тѣ промахи, кото-
 рые свойственны всякому дѣлу рукъ
 человѣческихъ, а слѣдовательно — и
 новымъ учрежденіямъ.

* *
 *

При этомъ невольно вспоминается
 одинъ упрекъ, который адресовался
 «Новому Обозрѣнію» времяемъ Сте-
 панова, неосновательный упрекъ, ко-
 торый давно пора снять съ доброй
 памяти покойнаго.

«Нов. Об.» упрекали тогда въ об-
 ществѣ въ пристрастности къ тифл.

городскому управленію. Основаніемъ къ этому служило, съ одной стороны, отсутствіе въ газетѣ мелочныхъ нападокъ на городскихъ заправиль, и съ другой—дѣятельное участіе Измайлова (въ то время городского секретаря) въ веденіи газеты.

Въ „Нов. Об.“, дѣйствительно, не было мелочныхъ нападокъ на управу и думу, нападокъ частыхъ до того въ печати, въ виду допускаемой закономъ свободы печатнаго обсужденія городскихъ дѣлъ. Въ газетѣ Степанова нельзя было, наприм., встрѣтить упрекъ городскимъ заправиламъ за то, что они занимаются, молъ, не только въ будни, но и въ праздники, или что въ метельщики взяли рабочихъ изъ этой національности, а не изъ той. Но это еще не значило, чтобы городскія дѣла не подвергались тогда въ „Нов. Об.“ критикѣ и притомъ довольно рѣзкой. Если въ газетѣ иногда (не часто) писалъ Измайловъ, то немало во ражали ему К. А. Бебутовъ, нещадившій своихъ против-

никовъ, Г. Г. Евангуловъ и другіе, возразяль и вашъ покорный пишущій эти строки, находя свободный доступъ въ газетъ, считавшейся почему-то управской.

Измайловъ немало услугъ оказалъ Степанову, когда послѣдній основывалъ газету. Это правда. Но все же не Измайловъ основалъ газету. У него не было въ томъ никакой надобности, такъ какъ онъ, благодаря своей близости къ кн. Д. Г. Эристову, тогдашнему редактору газ. „Кавказъ“, находилъ гостеприимство и въ этой газетѣ. „Нов. Обзор.“ создано бы и помимо Измайлова, и послѣдній, зная это и придавая большое значеніе печати, не могъ не желать сблизиться и съ новымъ органомъ. Такимъ образомъ, не „Нов. Обзор.“ сообразовалось съ направлениемъ городского управленія, а, напротивъ, послѣднее вынуждено было считаться съ первымъ.

„Нов. Обзор.“ упрекали въ томъ, что оно получало *субсидію* отъ тифлискаго городского управленія по

2 тыс. руб. Но субсидією неправильно называлась плата за то мѣсто въ отдѣлѣ объявленій, которое занимали думскіе доклады и протоколы. Если бы городское управленіе вздумало печатать свои доклады и протоколы, въ отдѣльныхъ оттискахъ и въ томъ же количествѣ, то это обошлось бы дешевле, чѣмъ 2 тыс. руб. По крайней мѣрѣ впоследствии, когда городское управленіе стало печатать ихъ отдѣльно *въ весьма ограниченномъ количествѣ*, такое печатаніе городу обходилось въ 1500 руб. въ годъ.*)

Но сколько городское управленіе выигрывало отъ дешеваго печатанія своихъ „Извѣстій“ въ „Нов. Об.“ въ значительномъ количествѣ экзempl., настолько же проигрывала газета отъ того, что заполняла свои страницы иногда такимъ малоинтереснымъ для читателей ея матеріаломъ, какъ эти „Извѣстія“. Газета теряла немало и

*) См., напримѣръ, роспись городск. доходовъ за 1895 годъ.

отъ того, что благодаря печатанію „Извѣстій“ въ обществѣ считался органомъ городского управленія.

Всѣ эти соображенія, сколько мнѣ извѣстно, и побудили впослѣдствіи редакцію „Нов. Об.“ отказаться отъ такой „субсидіи“ (съ 1888 года, вскорѣ послѣ смерти А. В. Степанова).

Такимъ образомъ тотъ единственный упрекъ, который бросался по адресу такого безупречнаго дѣятеля, какъ А. В. Степановъ, не долженъ имѣть никакой цѣны. J

Извѣстно, откуда обыкновенно берутся подобныя обвиненія. Люди, весь свой вѣкъ руководящіеся своекорыстными побужденіями, не находятъ для себя иного оправданія, какъ то, что и другіе, молъ, такъ же грѣшны, что даже лучшіе представители общества не чужды, якобы эгоистическихъ расчетовъ и погрязаютъ въ той же тинѣ. Въ виду-то этого и зная слабость провинціального общества къ сплетнямъ, люди, у которыхъ рыльце въ пуху,

пускають въ ходъ злостныя заподоз-
риванія и клевету по адресу лица
вполнѣ безупречной честности.

Степановъ былъ вообще высоко без-
корыстенъ. Онъ умеръ, оставивъ семью
почти безъ всякихъ средствъ къ су-
ществуванію, хотя всѣ сколько-нибудь
крупныя суд. дѣла сосредоточивались
въ рукахъ его, какъ наиболѣе выдающа-
гося адвоката. Степановъ не только
не пользовался доходами отъ издавае-
мыхъ имъ газетъ, но даже приклады-
валъ на изданіе кое-что изъ своего
адвокатскаго заработка. И дѣйстви-
тельно, смерть его искренно оплаки-
вала лучшая часть нашего общества
и оплакивала не только высокообразо-
ваннаго и высокоталантливаго дѣя-
теля, но и честнаго служителя обще-
ства.

Обаяніе Степанова, какъ такого
именно безупречнаго дѣятеля, не ис-
чезло въ обществѣ и печати и до
сихъ поръ. По истеченіи 10 лѣтъ
послѣ его смерти, память его почтили
прочувствованными некрологами мно-

гія изъ мѣстныхъ, русскихъ и тузем-
ныхъ изданій, безъ различія направ-
леній. Имя Степанова до сихъ поръ
произносится какъ синонимъ умнаго
и благороднаго защитника попра-
ныхъ правъ, произносится всѣми, кто
хоть разъ въ жизни имѣлъ дѣло съ
нимъ, какъ съ судьей, адвокатомъ
или журналистомъ.

1897 г.

Г. I. Арцруни.

(1845—1892).

Г. I. Арцруни былъ однимъ изъ главнѣйшихъ основателей армянской прессы на Кавказѣ. Никогда до него между армянской печатью и обществомъ не существовало такой 'близкой связи, никогда до него горячее, убѣжденное слово публициста такъ не пробивало дороги къ сердцу массы читающей публики. Покойный Арцруни представлялъ собою въ армянскомъ обществѣ, погруженномъ въ повседневныя житейскія заботы, будильникъ, который не давалъ засыпать общественному самосознанію и отвлекаться отъ вопросовъ общественной жизни. Солидно образованный, независимый, всецѣло преданный общественному дѣлу, горячій боецъ за свои идеи, Арцруни представлялъ бы солидную си-

ду и не въ одной армянской небога-
той силами журналистикѣ.

Въ этомъ краткомъ очеркѣ я не
имѣю въ виду дать полную характе-
ристику Арцруни, какъ новатора. Его
роль въ армянскомъ обществѣ была
очень значительна. Онъ создалъ въ
армянской жизни прогрессивное тече-
ніе. До него печать рѣдко выходила
изъ тѣснаго круга вопросовъ рели-
гіозныхъ и филологическихъ. Онъ же
внесъ въ жизнь печати свѣжую струю,
выдвинувъ вопросъ о семьѣ и школѣ,
проповѣдуя женскую эмансипацію отъ
семейной тираніи; поднялъ голосъ про-
тивъ плутократіи, защищая интересы
трудящагося класса (отсюда названіе
газеты „Мшакъ“, что означаетъ: ра-
ботникъ). Сфера дѣятельности Ар-
цруни была широка, но здѣсь я хочу
взглянуть на дѣятельность его только съ
точки зрѣнія газетнаго чернорабочаго
и охарактеризовать его заслуги, какъ
профессіональнаго работника пера.

Основанная Г. І. Арцруни газета
„Мшакъ“ существовала при немъ

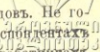
около 20 лѣтъ (т. е. съ 1872 по 1892/г., исключая изъ этого періода времени 1½ года перерыва по случаю разстройства дѣлъ издателя, когда онъ лишился всего недвижимаго имущества, оставшагося отъ богатаго отца). 20 лѣтъ — цѣлая вѣчность для жизни армянской, да и вообще всякой кавказской газеты. Изъ всѣхъ мѣстныхъ газетъ только „Мегу Айастані“ Симоніанца и русская газ. „Кавказъ“ просуществовали болѣе 20 лѣтъ, причемъ первая изъ этихъ газетъ давно уже прекратилась (съ 1886 г.) и къ тому-же издавалась болѣею частью въ недѣлю только разъ. Газету „Мшакъ“ создалъ и всѣ 20 лѣтъ вынесъ на своихъ плечахъ Г. І. Арцруни почти въ единственномъ числѣ.

Это, на мой взглядъ, т. е. на взглядъ газетнаго работника, очень большая заслуга.

То обстоятельство, что у насъ газеты долго не живутъ, далеко не случайное. Дѣло въ томъ, что газету издавать вовсе не такъ легко, какъ можетъ

показаться это со стороны. Газетное дѣло помимо всего прочаго требуетъ отъ редактора не только много времени, но и много силъ. Редактору газеты необходимо посвящать себя исключительно нѣсколькимъ лицамъ; одинъ-же человекъ тутъ ровно ничего не подѣлаетъ. Въ изданіи есть довольно хлопотливая чисто коммерческая сторона, и тотъ, кто вѣдаетъ этою стороною, — чѣмъ меньше литераторъ тѣмъ лучше для газеты. Затѣмъ нуженъ въ газетѣ редакторъ, который со всѣхъ сторонъ ежедневно получаетъ цѣлую тучу писемъ, замѣтокъ и статей; все это ему нужно прочитывать, нѣкоторыя вещи браковать, нѣкоторыя исправлять и печатать, а на нѣкоторыя отвѣчать письмами. Это также до того треплетъ человека, что является просто отвращеніе къ бумагамъ и черниламъ и онъ счастливъ въ тотъ день, когда ни одной строчки не напишетъ. Редакторъ долженъ быть прежде всего хорошимъ редакторомъ, а не писателемъ. Писатели же составляютъ третій разрядъ работниковъ газеты. Затѣмъ въ этомъ разрядѣ непременно должно

быть нѣсколько подразрядовъ. Не говоря о репортерахъ, корреспондентахъ и разныхъ случайныхъ работникахъ у газеты должно быть еще не менѣ двухъ постоянныхъ сотрудниковъ: передовикъ и фельетонистъ. Такимъ образомъ во главѣ газеты должны стоять за разъ нѣсколько человекъ, которые всецѣло отдавали бы себя ей и исключительно ей.

Но этого, конечно, никогда въ туземной печати не бываетъ. Здѣсь глава газеты одновременно—и редакторъ, и издатель, и передовикъ, и фельетонистъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что такому отсутствію у насъ раздѣленія труда есть свои основательныя причины, устранить которыя, вѣроятно, весьма трудно. Тѣмъ не менѣ фактъ остается фактомъ и въ результатѣ получается полное переутомленіе главара изданія. Какъ быстро онъ появился передъ публикой, такъ же быстро исчезаетъ.

Это особенно замѣчалось раньше, лѣтъ 10—20 тому назадъ, когда пра-

во на изданіе журналовъ и газетъ предоставлялось почти всѣмъ, заявившимъ о томъ желаніе. Такъ, въ одномъ 1882 г. народилось сразу три армянскихъ изданія: «Гигіеническій листокъ», «Школа» («Варжаранъ») и «Ардзаганкъ». Изъ нихъ болѣе или менѣе долговѣчнымъ оказалось только послѣднее изданіе. Въ 1881—84 гг. каждый годъ нарождалось на грузинскомъ языкѣ по одному или два новыхъ изданія («Имеди», «Шрома», «Картули библіотека», «Моамбе», «Нобати»), но каждое изъ этихъ изданій жило 2 или 2½, года, не болѣе. Такихъ примѣровъ изъ исторіи туземной періодической печати можно было-бы привести еще много, хотя всего-то и полувѣка еще нѣтъ какъ она существуетъ.

Поэтому можно себя представить, какова должна была быть энергія покойнаго Г. І. Арцруни, когда онъ въ продолженіе цѣлыхъ 20 лѣтъ безъ устали совмѣщалъ въ своемъ лицѣ столько разнообразныхъ и многосложныхъ

обязанностей, какъ редакторъ и издатель, публицистъ-передовикъ и фелетонистъ. Нужно при этомъ имѣть въ виду, что газета «Мшакъ» довольно продолжительное время выходила ежедневно, а именно съ 1879 по 1884 г.*).

Нѣтъ сомнѣнiя, что, кромѣ энергiи, въ это трудное дѣло Г. I. Арцруни вложилъ немало и денегъ. Исторiя прессы знаетъ мало такихъ случаевъ, когда усилъхъ приходитъ сразу и из-

*) Сколько нибудь сходное съ Г. I. Арцруни положенiе въ грузинской печати занималъ покойный С. С. Месхи, который въ 1869 г. принялъ на себя изданiе вновь народившейся первой грузинской газеты «Дрозба», и, въ продолженiи 14 лѣтъ, изъ нея, еженедѣльнаго и малораспространеннаго изданiя, создалъ ежедневный органъ печати, имѣвшiй массу читателей. С. С. Месхи не обладалъ ни матеріальными средствами Арцруни, ни его страстнымъ публицистическимъ перомъ, и усилъхъ ему давался съ гораздо большимъ трудомъ. Истощивъ все свои силы въ безустанной газетной работѣ, М. скончался въ 1881 г. на 39 году жизни.

даніе съ первыхъ же шаговъ окудичу 63220
себя. Пишущему эти строки, 3107000 1701330
мѣрь, изъ исторіи русской печати,
сравнительно болѣе счастливой, чѣмъ
кавказская, туземная, приходитъ на
память только одинъ примѣръ «Но-
ваго Времени», удача котораго объяс-
няется не столько талантомъ издате-
ля, сколько такимъ случайнымъ обсто-
ятельствомъ, какъ война 1877—78 гг.
и предшествовавшія ей приготовленія.
Въ 99-же случаяхъ изъ ста, изданіе
журнала и газеты на первыхъ порахъ,
иногда очень долго, требуетъ постоян-
ныхъ приплатъ изъ средствъ изда-
теля.

Г. І. Арцруни былъ однимъ изъ
первыхъ армянскихъ журналистовъ,
которые стали платить своимъ сотру-
дникамъ. Американъ, Раффи и другіе,
менѣе извѣстные сотрудники «Мшака»
получали хотя и небольшой, но посто-
янный гонораръ. Я не имѣю никако-
го понятія о томъ, сколько вложилъ де-
негъ покойный Арцруни въ свою газету,
но должно быть не мало. Очень трудно

прийти къ иному заключенію, если
 принять во вниманіе число экземпляровъ
 «Мшака», выходившихъ въ первое
 время его изданія (см. «Кавк. кал.»
 1890 г.), если высчитать расходы,
 сопряженные съ изданіемъ ежеднев-
 ной газеты, и если имѣть въ виду съ
 одной стороны отсутствіе платныхъ
 объявленій и, съ другой стороны, хотя
 бы самыя минимальныя траты на воз-
 награжденіе сотрудниковъ.

Въ разгаръ своей газетной дѣя-
 тельности Г. І. Арцруни лишился та-
 кого цѣннаго имѣнія, какъ извѣстный
 караванъ-сарай въ центрѣ Тифлиса,
 стоящій болѣе полумилліона, и это,
 конечно, не потому что онъ былъ мо-
 томъ.

Сколько бы однако покойный ни
 затратилъ на предпріятое имъ обще-
 ственное дѣло, нѣтъ никакого сомнѣ-
 нія, что онъ затратъ своихъ никогда
 уже не возвращалъ себѣ. Въ послѣд-
 нее время газета давала своему редак-
 тору средства къ существованію, но
 къ существованію очень скромному.

Мысль же о возвратѣ всѣхъ прошлыхъ затратъ могла бы составлять мечту отдаленнаго будущаго.

Кстати не могу не подивиться тѣмъ легкомысленнымъ слухамъ, которые ходили въ армянскомъ обществѣ относительно необычайныхъ будто матеріальныхъ успѣховъ «Мш-ка». Газета при жизни Арцруни никогда, сколько мнѣ извѣстно, свыше 1,300—1,500 экз. не расходилась. Если изъ этой цифры вычесть число неизбежныхъ при всякомъ изданіи бесплатныхъ подписчиковъ, то матеріальный успѣхъ газеты можетъ быть названъ менѣе чѣмъ скромнымъ. Имѣя это въ виду, я всегда краснѣлъ за тѣхъ, которые не стѣснялись упрекать покойнаго въ томъ, что газета, имѣя достаточныя средства, какъ бы избѣгала платныхъ сотрудниковъ.

Но не одно трудолюбіе, не одна безпредѣльная преданность газетному дѣлу, и не только матеріальныя средства, которыми обладалъ въ одно время покойный, дали возможность по-

слѣдному поставить на прочную по-
ву его любимое дѣтище. Арцруни бы-
чался замѣчательною искренностью и
страстностью, качествами, столь же
важными для публициста, сколько и
для поэта и оратора. Кромѣ того,
Арцруни обладалъ и специальными га-
зетными достоинствами—чуткостью и
отзывчивостью.

Все эти свойства дѣлали изъ покой-
наго замѣчательнаго журналиста, ко-
торый, какъ я выше сказалъ, оставилъ
бы свой слѣдъ и въ значительно бо-
лѣ богатой талантами прессѣ, чѣмъ
армянская. Арцруни умеръ, но его га-
зета и завѣщанное имъ направленіе
все еще живутъ, хотя, можетъ быть,
не съ тѣмъ блескомъ, съ какимъ
умѣлъ работать покойный публицистъ

* * *

Если не считать небольшой бро-
шюры о турецкихъ армянахъ, кото-
рую едва ли можно теперь найти въ
продажѣ, то вынужденный вскорѣ послѣ
смерти Г. Арцруни рассказъ «Эвелина»
является единственнымъ источникомъ,

по которому русскіе читатели имѣютъ возможность познакомиться веденіями популярнаго армянскаго публициста. Нужно только сожалѣть, что переводчикъ выбралъ для этой цѣли несовсѣмъ подходящую вещь. Гр. Арцруни никогда не былъ беллетристомъ, и «Эвелина» является лишь шалостью его пера. Притомъ шалость эта даетъ слишкомъ мало понятія о литературномъ талантѣ автора. Съ первыхъ же страницъ, разказчикъ подсказываетъ читателю, что Эвелина меркантильно смотритъ на любовь и бракъ, и что ничего добраго отъ такихъ взглядовъ ждать нельзя. Да и самая тенденція разказа только отдаленными намеками даетъ понятіе о характерѣ и направленіи дѣятельности автора, какъ публициста. Къ тому же идея произведенія ничего новаго не представляетъ, по крайней мѣрѣ въ русской и вообще европейской литературѣ. Вотъ сюжетъ разказа въ двухъ словахъ.

Герой—молодой армянинъ, проживающій за границею сначала для того,

чтобы лѣчиться, а затѣмъ—~~уходитъ~~ Случайная встрѣча съ красивой пианисткой Эвелиной въ Ниццѣ вскружила ему голову. А когда предметъ страсти показываетъ видъ, что отвѣчаетъ ему взаимностью, то восторгу влюбленнаго нѣтъ границъ; онъ рѣшаетъ на вѣкъ связать свою судьбу съ судьбой любимой дѣвушки. Переписка однако вскорѣ обнаруживаетъ, что со стороны Эвелины настало охлажденіе. Влюбленный летитъ вновь въ Ниццу провѣрить свои сомнѣнія. Здѣсь онъ убѣждается, что, дѣйствительно, его возлюбленная измѣнила ему, имѣя въ виду выгодную партію съ какимъ то испанскимъ живописцемъ, дѣйствующимъ на вообарженіе дѣвушки скорѣе своимъ богатствомъ, чѣмъ талантомъ и увлеченіемъ. Влюбленный юноша—въ страшномъ отчаяніи. Только счастливая встрѣча съ русскимъ художникомъ Юмасовымъ спасаетъ его отъ самоубійства. Юмасовъ развиваетъ передъ нимъ такую философію:

«Вы сами очень хорошо знаете, го-

ворить онъ, что какъ бы ни былъ несчастливъ человекъ, онъ всегда, если внимательно посмотритъ кругомъ, найдетъ на свѣтѣ людей еще болѣе несчастныхъ, чѣмъ онъ самъ. И вотъ, когда вы несчастны, найдите тотчасъ кого-нибудь, кто еще несчастнѣе васъ, вникните въ его горе, раздѣлите его страданія, позаботьтесь о немъ, протяните ему руку помощи—и ваше сердце исцѣлится».

Во исполненіе этого совѣта, герой Арцруни ѣдетъ въ Ментону, къ Юмасову, ухаживать за умирающимъ его гостемъ. Проведя здѣсь у смертнаго одра пять бессонныхъ ночей, онъ исцѣляется отъ своей безнадежной любви и ѣдетъ въ Гейдельбергъ доканчивать свое образованіе. Спустя два года, передъ отъѣздомъ изъ Гейдельберга на родину, герой получаетъ письмо отъ Эвелины. Она пишетъ, что хочетъ вернуться къ своей прежней любви. Но напрасно! Прежній поклонникъ имѣетъ смѣлость отвѣтить холоднымъ отказомъ. «Какой смыслъ, спрашиваетъ

онъ, снова обращается къ человеку,
 сердце котораго окаменѣло по первой же милости?»

Идея разсказа—забыть личное горе для общаго счастія—повторяемъ, не нова. Люди съ разбитымъ сердцемъ прежде шли въ монастырь, затѣмъ ѣхали въ Америку или на Кавказъ для новыхъ сильныхъ ощущений.

Герой же Арцруни ѣдетъ въ Ментону ухаживать за больными, а затѣмъ, возвратившись на родину, издаетъ газету и просвѣщаетъ темный народъ. Все это не оригинально, но забытыя слова никогда не лишне повторять и, въ концѣ концовъ, «Эвелина»—хорошая книга, которую можно прочесть съ пользою и удовольствіемъ.

1892—94 гг.

საქართველოს
ხალხთა ეროვნული
ბიბლიოთეკა

П. А. Измайловъ.

(1852—1895).

П. А. Измайловъ былъ для Тифлиса не только городскимъ головой, высшимъ официальнымъ представителемъ города, но и душой всѣхъ его общественныхъ дѣлъ въ теченіе довольно продолжительнаго времени. Чуть не съ самаго открытія у насъ городского самоуправления покойный давалъ тонъ всему хозяйственному управленію города—то въ скромной роли газетнаго сотрудника и секретаря думы, то въ болѣе высокихъ должностяхъ старшаго члена городской управы, городского головы и члена губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія. Помимо этого, мягкость его характера и чрезвычайная доступность дѣлали его очень популярнымъ въ населеніи. Въ виду такой громадной нравственной силы,

печать живо слѣдила за его дѣятельностью и не всегда бывала къ ней снисходительна. Тѣмъ съ большимъ рвеніемъ печать критиковала дѣйствія Измайлова, что всегда признавала въ немъ просвѣщеннаго дѣятеля, способнаго чутко прислушиваться къ голосу общественнаго мнѣнія и пользоваться совѣтами печати.

Измайлова я зналъ съ дѣтства, и зналъ какъ способнаго мальчика. Но будучи моложе его и лѣтами, и классомъ, совсѣмъ было потерялъ его изъ виду, пока судьба не свела насъ случайно на одномъ дѣлѣ. Моментъ этотъ не лишенъ былъ драматизма, а въ драматическіе моменты, какъ учатъ учебники, можно узнавать людей.

Здѣсь имѣю въ виду 1878 г., когда велась борьба на жизнь и смерть между двумя тифл. газетками этого времени: «Обзоръ» и «Тифл. Вѣстн.» Что бы понять значеніе этой борьбы, нужно вспомнить, что первая частная газета на русск. яз. „Тифл. Вѣстн.“ стала издаваться незадолго передъ тѣмъ,

съ 1873 г. Никто не вѣрилъ въ возможность существованія въ Тифлисѣ частной газеты рядомъ съ богатѣе «Кавк.». Но храбрый офицеръ кн. К. А. Бебутовъ (многіе ли его помнятъ офицеромъ?) смѣло повелъ свое дѣло. Несмотря на все убожество тифл. литературныхъ силъ того времени, газета умѣла заинтересовать читателей фельетонами на злобы дня, въ духѣ «Искры». Въ концѣ концовъ, это было все же тощее изданіе, пока въ нему не примкнули молодыя силы (Н. Николадзе, И. Шахтатинскій, П. А. Опочининъ и др.) Тогда оно быстро преобразовалось въ ежедневную литер. и политическую газету. Вокругъ газеты сразу сформировался кружокъ молодыхъ людей, который замѣтно оживилъ ее. Къ этому подоспѣла и сербская война, а затѣмъ и русско-турецкая, и «Тифл. Вѣстн.» сталъ расходиться въ количествѣ очень значительномъ и для нынѣшнихъ кавказскихъ газетъ, а именно около 3¹/₂ тыс. экзempl. Но въ 1877 г. кружокъ почему-то распался и въ 1878 г.

уже появилась и другая частная газета «Обзоръ» подъ редакторствомъ Н. Я. Бебутовъ Николадзе.

Такимъ образомъ, параллельно съ русско-турецкой войной завязалась и бебутовско-николадзевская. Въ самый разгаръ полемики, лѣтомъ 1878 г., редакторъ «Тифл. Вѣстн.» кн. Бебутовъ переѣхалъ въ Петербургъ, по какимъ-то дѣламъ, и газета его осталась на рукахъ пайщиковъ (и «Обзоръ», и «Тифл. Вѣстн.» въ это время издавались на паевыхъ началахъ). Пайщики, задѣтые за живое полемикой «Обзора», прекратить изданія не пожелали, но и тратясь на газету скупились, не ожидая ничего хорошаго въ будущемъ. И вотъ въ эту критическую минуту руководство газетой перешло къ П. А. Измайлову (въ то время городскому секретарю). Газета попала къ нему безъ всякихъ матеріальныхъ средствъ и безъ всякихъ сотрудниковъ. Нужно было добывать и то, и другое, да еще огрызаться на «Обзоръ». Положеніе было совсѣмъ критическое. Тѣмъ не

менѣе Измайловъ смѣло принялся за дѣло. Ему, конечно, въ этомъ ^{дѣлѣ} ~~дѣлѣ~~ ^{помогла} ~~помогла~~ и его журнальная ^{опытность} ~~опытность~~.

Въ 1869—82 гг., оставаясь въ Тифлисѣ безъ опредѣленныхъ занятій, онъ много вертѣлся въ литературныхъ кружкахъ и нерѣдко пописывалъ. Онъ участвовалъ въ «Мшакѣ», кое-что доставлялъ и въ грузинскія газеты.

Возвращаясь къ 1878 г. Я уже сказалъ, что Измайловъ принялъ газету безъ матеріальныхъ средствъ и сотрудниковъ. Въ ней, правда, пописывали такіе почтенные дѣятели, какъ Л. П. Загурскій, П. А. Опочининъ, Я. С. Гогешавили и др., но всѣ они, будучи заняты своимъ прямымъ дѣломъ, литературѣ могли удѣлять лишь немногіе досуги. Между тѣмъ газетѣ нужны были работники, которые по цѣлымъ днямъ и ночамъ сидѣли бы въ редакціи и типографіи и несли тотъ черный трудъ, безъ котораго ни одно изданіе, конечно, обойтись не можетъ. А такихъ-то работниковъ у «Тифл. Вѣстн.» и не было. Вся такая черная

работа лежала на Измайловъ да на ка-
 комъ-то Барсовъ, котораго въ ^{Тифлисе} ^{привезъ}
 другихъ, если не ошибаюсь, г. Френкель изъ Петербурга для «Об-
 зора». Барсовъ однако скоро зашилъ и
 волею судьбы очутился въ совершенно
 другой редакціи. Но и здѣсь его тер-
 пѣли только по крайней нуждѣ въ лю-
 дяхъ. Въ это время два члена редак-
 ціи «Тифл. Вѣстн.» обратились ко мнѣ
 раздѣлить этотъ черный трудъ, кото-
 рый несъ Измайловъ, будучи фактиче-
 скимъ редакторомъ (официальнымъ ре-
 дакторомъ состоялъ кн. Д. Эристовъ,
 который по свойственной поэтамъ впе-
 чатлительности въ это время сильно
 упалъ духомъ и бездѣйствовалъ). Та-
 кое обращеніе польстило мнѣ, такъ
 какъ я былъ тогда не болѣе какъ не-
 опытный юноша, только что вступа-
 шій въ жизнь. Но, боже мой, что это
 была за литературная работа! Не ус-
 пѣвалъ я начать водить своимъ не-
 опытнымъ перомъ по бумагѣ, какъ появ-
 лялся (это происходило въ редакціи)
 метранажъ, съ веревкой въ рукѣ, и

указывалъ, какой длины наборъ ему не-
 обходимъ тотчасъ же. Я моментально
 бросалъ въ сторону свои жалкія нѣс-
 колько строкъ, бралъ въ руки очень
 длинныя ножницы и лихорадочно вы-
 рѣзывалъ изъ газетъ какія-нибудь но-
 вости. И такъ продолжалось цѣлый день:
 лишь къ 3 часамъ я убѣждался, что та-
 кимъ образомъ своей замѣтки не допи-
 сать, и все откладывалось до слѣдую-
 щаго дня, когда повторялось букваль-
 но тоже.

Такимъ образомъ почти вся газета
 состояла изъ вырѣзокъ, и насъ оправ-
 дывало развѣ только то, что вырѣзки
 представляли тогда особенный инте-
 ресъ, въ виду засѣдавшаго въ то вре-
 мя берлинскаго конгресса и въ виду
 животрепещущаго значенія восточнаго
 вопроса.

Измайловъ въ это время занимался
 исправленіемъ рукописей. Ихъ правда
 поступало очень немного, но зато бы-
 вали они образцово безграмотны. Сна-
 чала я видѣлъ, какъ онъ пробовалъ
 ихъ исправлять, а затѣмъ, къ нема-

лому удивленію своему, я сталъ замѣчать, что онъ какъ будто иногда ставитъ ихъ въ типографію безъ исправленія и даже безъ просмотра (онъ это дѣлалъ когда бывалъ занятъ по службѣ). Я заинтересовался этимъ приѣмомъ и сталъ слѣдить за дальнѣйшей судьбой такихъ безобразныхъ корреспонденцій и замѣтокъ. Приходя иногда по вечерамъ въ типографію, я тамъ заставалъ Измайлова за корректурой этихъ именно писаній. Онъ серьезно сидѣлъ и раздумывалъ, нельзя ли посредствомъ какой-нибудь занятой или одного словечка безграмотную и безмысленную фразу превратить въ грамотную и путную. Основательно исправлять не было возможности — пришлось бы все сызнава набирать и сызнава тискать, а оставлять набранное на произволь судьбы тоже нельзя было въ виду его вопіющей безграмотности и безтолковости. Вотъ и приходилось прибѣгать къ разнымъ ухищреніямъ какъ разъ передъ тѣмъ какъ нужно было спустить газету на машину.

Что меня въ данномъ случаѣ пора-
 жало, такъ это то, что Измайловъ всегда
 выходилъ побѣдителемъ изъ такого
 труднаго положенія. Онъ производилъ
 на меня впечатлѣнiе не зауряднаго
 канцеляриста, какимъ его рисовалъ
 въ послѣдствіи Хонели, а очень лов-
 каго стилиста. Онъ работалъ какъ
 вполне опытный литераторъ. Но такъ
 продолжаться долго не могло и обѣ
 соперничавшія газеты въ слѣдующемъ
 году окончательно закрылись: «Тифл.
 Вѣстн.» немного раньше, «Обзоръ»
 немного позже. Прекращеніе газеты,
 конечно, зависело не отъ Измайлова;
 распоряжались пайщики, которымъ
 принадлежала газета.

Мало ли у насъ такихъ скромныхъ
 литературныхъ работниковъ,—можетъ
 ктонибудь замѣтить—но о нихъ никто
 не вспоминаетъ, никто не ставитъ ихъ
 на пьедесталъ. Совершенно вѣрно. Если
 бы Измайловъ ограничилъ свою дѣя-
 тельность хожденіемъ по типографіямъ
 и умеръ литературнымъ богемой, то
 его никто не возносилъ бы выше об-

лака ходячаго. Но его роль въ печати важна совсѣмъ съ другой стороны. Онъ живо связывалъ печать съ жизнью (городское хозяйство) и жизнь съ печатью. Онъ такимъ образомъ придавалъ печати реальное значеніе.

Печать иногда упрекала его, что онъ не прислушивается къ ея голосу, но это нужно было понимать въ томъ смыслѣ, что онъ недостаточно прислушивается, не настолько прислушивается, насколько можно было ожидать отъ лица, которое само было дѣятелемъ печати. Напротивъ, до послѣдняго времени, до достиженія должности городского головы, Измайловъ часто порывался посвятить себя исключительно литературной дѣятельности, ставъ во главѣ газеты. Но это не осуществлялось по чисто внѣшнимъ, случайнымъ поводамъ. Часто въ этомъ его останавливалъ недостатокъ средствъ. Газета не дешевая затѣя и съ пустымъ карманомъ болѣе чѣмъ трудно ее начинать.

Думать подобно Хонели, что Из-

майловъ дорожилъ печатью *только* по-
 тому, что она имѣла вліяніе на *хоть*
 городскихъ дѣлъ, значить глубоко за-
 блуждаться. Для внѣшнихъ успѣховъ
 вовсе не требуется содѣйствіе печати;
 для достиженія такого успѣха «есть
 многіе каналы», какъ выражался Ска-
 лозубъ. Печать не всегда является у
 насъ самымъ успѣшнымъ оружіемъ
 для избирательной агитаціи. Живы-
 ми примѣрами этого могутъ служить
 четырехкратное избраніе въ голо-
 вы г. Матинова, который былъ со-
 вершенно чуждъ печати, и затѣмъ по-
 слѣднее избраніе Измайлова въ головы,
 несмотря на противодѣйствіе значитель-
 ной части мѣстныхъ газетъ. Измай-
 ловъ былъ близокъ къ печати потому,
 что онъ при своемъ внѣшнемъ успѣхѣ
 желалъ имѣть и нравственную опору
 въ общественномъ мнѣніи. Онъ давалъ
 печати свои идеи, чтобы брать отъ
 нея ея идеи. Такое взаимодѣйствіе об-
 щественныхъ силъ есть лучшій залогъ
 прогресса, и пока оно у насъ рѣдкое
 явленіе, Измайловы не могутъ быть

названы заурядными работниками.

Всѣмъ этимъ обстоятельствамъ придаю большое значеніе, такъ какъ у насъ, къ сожалѣнію, немного людей, которые понимали бы такъ хорошо значеніе печати, такъ дорожили бы ею, такъ любили бы ее, какъ именно Измайловъ.

* * *

П. А. Измайловъ началъ свою службу городу въ 1876 г., когда городскимъ головой состоялъ Д. И. Кипиани, а гласными—почетныя лица изъ стариковъ. Новизна дѣла (только за годъ до того было введено городское самоуправленіе) и одновременно съ этимъ отсталость его заправиль были серьезной помѣхой для сколько нибудь успешнаго веденія городскихъ дѣлъ. Поэтому роль Измайлова въ ту пору была болѣе отрицательная, чѣмъ положительная. Какъ секретарь, въ думѣ онъ голоса не имѣлъ и старался вліять на нее черезъ печать. Онъ именно въ это время помѣщалъ въ «Тифл. Вѣстн.» «Мои понедѣльники», которые

являлись рѣзкой критикой всего, что происходило въ думѣ, а отчасти и въ управѣ. Въ концѣ 1878 года произведены были новые выборы гласныхъ, и тутъ молодая партія, въ которой принималъ дѣятельное участіе и Измайловъ, одержала рѣшительную побѣду. Въ думу пошло и много стариковъ, но они рѣшающаго голоса уже не имѣли.

Желая радикально обновить городское самоуправленіе, Измайловъ при выборахъ городского головы энергично выдвинулъ кандидатуру К. А. Бебутова, въ то время редактора „Тифл. Вѣстн.“ Благодаря, съ одной стороны, поддержкѣ молодежи, а съ другой—личнымъ связямъ въ думѣ, кн. Бебутовъ имѣлъ серьезные шансы на успѣхъ. Чтобы пройти въ головы, у него не хватило только одного шара, и благодаря этой случайности онъ былъ забаллотированъ. Говорю „случайности“, потому что этотъ недостающій шаръ, по злой ироніи судьбы, принадлежалъ дядѣ К. А. Бебутова—Кетхудову, ко-

торый только что вернулся откуда-то въ Тифлисъ и не успѣлъ принять при-
 сягу, чтобъ участвовать въ выборахъ. Но въ то же время старательно были забаллотированы и старики—Д. И. Кипиани и М. Е. Алихановъ. Благодаря этому въ головы прошелъ нейтральный кандидатъ—А. С. Матиновъ, молодой членъ управы, котораго поддерживали частью молодежь, частью бушцы.

Какъ бы то ни было, въ новой думѣ все же повѣяло чѣмъ-то новымъ. Было рѣшено перестать топтаться на одномъ мѣстѣ и предпринять что-нибудь серьезное для благоустройства города. Былъ составленъ грандіозный для того времени планъ цѣлаго ряда сооружений, для которыхъ нужно было совершить два крупныхъ займа, въ общей сложности около 1½ милліона рублей. Рѣшено было построить верейскій мостъ, городской домъ, водопроводъ и пр. Такія рѣшительныя мѣры сравнительно съ предшествовавшимъ бездѣйствіемъ казались беспорнымъ.

шагомъ впередъ, и печать выражала имъ самое горячее сочувствіе. Городской администраціи рукоплескали тогда и «Обзоръ», и «Тифл. Вѣстн.», и туземная печать. Не знаю, какую именно роль игралъ Измайловъ въ составленіи этихъ новыхъ проектовъ, но бесспорно одно, что осуществленіе ихъ и дальнѣйшее ихъ развитіе въ значительной части были дѣломъ его рукъ. Поэтому, говоря объ Измайловѣ, нельзя не остановиться на всей дѣятельности городского самоуправления за время съ 1879 г. по 1890 г., когда во главѣ управленія стоялъ А. С. Матиновъ, а фактическимъ руководителемъ дѣлъ, во многихъ случаяхъ, являлся Измайловъ.

Достоинство упомянутыхъ проектовъ, какъ сказано выше, заключалось въ ихъ новизнѣ, смѣлости, сломившей прежнюю неподвижность. Но ни самая идея ихъ, ни тѣмъ болѣе выполненіе далеко не отличались безукоризненностью. Достаточно сказать, что всѣ эти проекты были крайне односторонни,

всѣ вертѣлись на строительствѣ. Если не считать 7 начальныхъ ~~пиковыхъ~~ ~~бюджетныхъ~~ ~~поставленныхъ~~ ~~къ~~ ~~тому~~ ~~же~~ ~~очень~~ ~~мизерно~~ (ремесленное училище было открыто раньше), то всѣ крупныя дѣла городского управленія за это время составляютъ постройки. Можно было подумать, что это не общественное учрежденіе, обязанное заботиться о такихъ важныхъ отрасляхъ благоустройства, какъ народное здравіе, народное продовольствіе, нар. образованіе, освѣщеніе улицъ, и пр. и пр., а какое-то общество архитекторовъ, и притомъ плохихъ архитекторовъ: смѣта составлялась въ грошъ, а исполненіе обходилось въ рубль.; доходы, напротивъ, вычислялись въ рубль, а въ дѣйствительности давали гроши. Такъ случилось съ верійскимъ мостомъ, водопроводомъ и пр.

Послѣднимъ крупнымъ промахомъ Измайлова считается односторонность, которую онъ придалъ городскимъ выборамъ въ 1893 г. Выборы эти въ населеніи вызвали, какъ извѣстно, край-

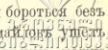

нее раздраженіе. Но Измайловъ обладалъ счастливою способностью своей но выслушивать голосъ критики и пользоваться ея совѣтами. И вотъ, достигши должности городского головы въ ноябрѣ 1893 г., онъ сталъ стремиться къ исправленію своихъ же промаховъ, или, вѣрнѣе выразиться, промаховъ своей партіи. Выборы гг. Иваненко и Чрелаева и нѣкоторые другія дѣйствія свидѣтельствовали, что П. А. не могъ долго идти противъ общаго настроенія. Съ другой стороны нужно вспомнить, что не онъ создалъ эту племенную рознь, которая замѣчалась во время упомянутыхъ выборовъ; она имѣла свое начало еще въ выборахъ 1890 г. Измайлова винили лишь въ томъ, что онъ не сумѣлъ ее устранить, а, напротивъ, воспользовался ею въ своихъ избирательныхъ цѣляхъ. Рознь началась во второмъ разрядѣ городскихъ избирателей въ 1890 г. и кто тогда читалъ фельетоны „Нов. Об.“, тотъ, вѣроятно, помнитъ, что каша была заварена не Измайловымъ.

При всемъ своемъ крайнемъ оппор-
 тюнизмѣ въ приемахъ борьбы, Измай-
 ловъ обладалъ принципами, которые
 твердо проводилъ въ жизнь. Принци-
 пы эти были ясны и просты. Веду-
 щимъ началомъ ему служило стре-
 мленіе къ возможно большому расши-
 ренію сферы городского самоуправленія.
 Для этого онъ лихорадочно добивался
 принятія въ полное завѣдываніе город-
 ского управленія не только городскихъ
 сборовъ, но и трамвая, школь, лом-
 барда, лѣчебницы, страхованья, и пр.,
 и пр. О выполненіи программы, конечно,
 возможно было бы спорить много. Мож-
 но было бы припомнить, напримѣръ,
 фантастическіе расчеты относительно
 постройки театра, но въ основѣ prin-
 ципъ Измайлова—стремленіе къ воз-
 вышенію самодѣятельности общества—
 былъ правиленъ. Это было ново въ то
 время, когда общество и нѣкоторая
 часть бюрократіи, привыкшія къ шаб-
 лону, еще не усвоили задачъ дарован-
 наго закономъ самоуправленія. За
 свою идею Измайлову приходилось

При всемъ своемъ крайнемъ оппор-
 тюнизмѣ въ приемахъ борьбы, Измай-
 ловъ обладалъ принципами, которые
 твердо проводилъ въ жизнь. Принци-
 пы эти были ясны и просты. Руково-
 дящимъ началомъ ему служило стре-
 мленіе къ возможно большему расши-
 ренію сферы городского самоуправленія.
 Для этого онъ лихорадочно добивался
 принятія въ полное завѣдываніе город-
 ского управленія не только городскихъ
 сборовъ, но и трамвая, школъ, лом-
 барда, лѣчебницы, страхованья и пр.,
 и пр. О выполненіи программы, конечно,
 можно было бы спорить много. Мож-
 но было бы припомнить, на примѣръ,
 фантастическіе расчеты относительно
 постройки театра. Но въ основѣ прин-
 ципъ Измайлова — стремленіе къ воз-
 вышенію самостоятельности общества —
 былъ правиленъ. Это было ново въ то
 время, когда общество и часть бюро-
 кратіи, привыкшія къ канцелярскому
 шаблону, еще не усвоили задачъ даро-
 ваннаго закономъ самоуправленія. За
 свою идею Измайлову приходилось

идти противъ теченія и бороться безъ усталы. Насколько Измайловъ успѣлъ впередъ по этому направленію, можно судить по тому, что до него и послѣ него часто выставлялись кандидатуры въ городскіе головы лицъ съ узкими и мелкими программами или безъ всякихъ программъ, инициативы, широкаго полета мысли и изобрѣтательности. И до сихъ поръ многіе думаютъ, что достаточно быть трудолюбивымъ чиновникомъ, богатымъ коммерсантомъ или краснорѣчивымъ ораторомъ, чтобы стать дѣловитымъ головой и руководителемъ миліоннаго городского хозяйства.

Хонели какъ-то доказываль, что Измайловъ былъ хорошимъ членомъ управы, но не головой. Я же полагаю, что если признавать за Измайловымъ какія-нибудь заслуги, то именно заслуги руководителя, а не мелкаго труженника. Онъ и въ должности члена управы фактически очень часто бывалъ руководителемъ городского хозяйства, замѣняя городского голову, ког-

да требовались отъ послѣдняго инициатива, принципиальная защита городскихъ интересовъ и пр. Напротивъ, какъ исполнитель, Измайловъ не выдерживалъ строгой критики. Не въ его натурѣ были хлопотливый трудъ, размѣренно-аккуратная работа и усидчивость; его занятія всегда заключались болѣе въ интеллектуальномъ трудѣ, чѣмъ въ механическомъ, канцелярскомъ или бухгалтерскомъ.

* * *

Что въ Измайловѣ часто говорила жидка общественнаго дѣятеля—доказательствомъ служить слѣдующій случай.

Въ 1895 г. освящено было новое зданіе для судебныхъ учреждений. Городское управленіе по этому случаю поднесло суду портретъ бывшаго намѣстника кавказскаго, Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича, при которомъ была введена и судебная, и городская реформа. Другой городской голова ограничился бы шаблонною рѣчью

гдѣ было бы много пышныхъ фразъ и мало содержанья. Но Измайловъ ^{былъ} не таковъ; онъ пожелалъ провести ^{идею} и идею, вполне достойную выразителя общественнаго настроенья.

Вотъ его рѣчь, взятая мною изъ газ. «Кавказъ» (см. № 4, 1895 г.):

«Когда исполнилось 25 лѣтъ со времени введенія на Кавказѣ великой судебной реформы, тифлисское городское самоуправленіе, желая ознаменовать это радостное событіе, постановило принести въ даръ судебнымъ учрежденіямъ г. Тифлиса портретъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича, такъ много содѣйствовавшаго введенію въ нашемъ краѣ судебной реформы. Этимъ даромъ городское самоуправленіе желало выразить свое уваженіе судебнымъ учрежденіямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ показать, что дѣятельность, направленная на пользу общества, не остается безъ благодарности общества. Но 27 лѣтъ назадъ судебная реформа на Кавказѣ была введена не въ полномъ

объемъ, чему въ то время были ^{свои} причины; нынѣ-же, когда ^{эти} причины исчезли, является потребность въ восполненіи судебной реформы на Кавказѣ.

„Тифлисской Городской Голова, какъ представитель главнѣйшаго въ краѣ города, выражаетъ желаніе, чтобы такое восполненіе дѣйствительно послѣдовало и чтобы представители населенія являлись въ судѣ не только какъ истцы и отвѣтчики или какъ подсудимые съ поникшими головами, но какъ сотрудники и помощники коронныхъ судей, въ качествѣ носителей идеи общественной совѣсти.“

Этою прекрасною рѣчью и заканчиваю настоящую краткую характеристику Измайлова, которому при жизни не льстилъ, но послѣ смерти считаю нужнымъ воздать должное.

1895 г.

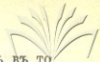

ՀԱՐՈՅԵՅԱՆ
ՅՈՒՆԵՍԿՈՒՅՅ

А. Казбекъ.

(1851—1893)

Казбека, одинъ изъ его критиковъ г. Маіашвили назвалъ народникомъ (см. «Нов. Об.» 1892 г., 10-го и 11-го января) и этимъ сказано много. Секретъ успѣха Казбека въ читающей публикѣ заключается въ умѣнии его затронуть наиболѣе симпатичныя стороны народной жизни. Идеализація людей, которыхъ въ такъ называемомъ «обществѣ» принято считать чуть не за животныхъ, была любимымъ конькомъ Казбека и она занимаетъ рѣшительно доминирующее положеніе чуть не во всѣхъ его произведеніяхъ. Но онъ подходитъ къ народу не какъ обыкновенный бытописатель, не ограничивается описаніемъ семейной жизни своихъ героевъ, ихъ романическими похождениями или будничными тревоженіями. Интересуясь всѣмъ этимъ,

Казбекъ въ своихъ повѣстяхъ въ то же время интересуется общественными условіями жизни той среды, въ которой вращаются эти люди. Онъ то вводитъ насъ въ народный судъ, на общественную сходку, и открываетъ передъ нами чудную и совершенно новую для насъ картину общественнаго склада жизни грузинъ-горцевъ, то ставитъ своихъ добрыхъ, любвеобильныхъ героевъ подъ гнетъ людей, вовсе не понимающихъ ихъ и роковымъ образомъ приводящихъ къ гибели. И у читателя невольно является сожалѣніе, что простой, нетронутый цивилизаціею народъ при первомъ же столкновеніи съ внѣшнимъ міромъ погибаетъ ни за что. Новая жизнь, новые люди для этого народа чужды, а часто и жестоки, и читатель проникается глубокою любовью къ этимъ «забытымъ людямъ», прощая автору нѣкоторую холодность его героевъ. Казбекъ у грузинъ имѣлъ такое же значеніе, какъ у русскихъ—Григоровичъ, а у армянъ—Раффи. Казбекъ, подобно имъ, былъ

не только художникомъ, но и вырази-
 телемъ лучшаго настроенія современ-
 наго ему общества.

* * *

Ал. Казбекъ въ продолженіе какихъ-
 нибудь пяти-шести лѣтъ написалъ мно-
 гое множество повѣстей, рассказовъ и
 пьесъ, которые приобрѣли ему широ-
 кую популярность не только среди
 образованнаго класса грузинскаго об-
 щества, а и въ простомъ народѣ. Но
 не знаю, полагалъ ли онъ когда ни-
 будь, что жизнь его самаго можетъ
 представить очень занимательный сю-
 жетъ для романа. Это—былъ чрезвы-
 чайно яркій типъ литературной богемы,
 понимая это слово въ лучшемъ смыслѣ.
 Служа искусству и литературѣ и за-
 бывая обо всемъ другомъ, онъ пре-
 терпѣлъ въ личной жизни крупныя
 перевероты. Эта горячка не могла,
 конечно, пройти безслѣдно, и вотъ онъ,
 еще не достигши даже 40 лѣтъ, по-
 шалъ въ домъ душевнобольныхъ.

Это была поистинѣ трагическая жизнь.
 Сынъ генерала, жившій съ дѣтстве

въ полномъ довольствѣ, вдругъ ощутилъ
 ся лицомъ къ лицу съ тяжелой нуждой.
 И это тогда, когда онъ весь увлекался
 театромъ и литературой, которые бра-
 ли отъ него несравненно больше, чѣмъ
 могли дать. Онъ буквально бѣжитъ
 отъ міра, запирается въ своей ком-
 натѣ, работая день и ночь. Но разо-
 рвать связь съ внѣшнимъ міромъ нельзя
 безнаказанно. И вотъ безнадежная пси-
 хическая болѣзнь застаётъ его въ самый
 разгаръ дѣятельности!

Съ Казбекомъ познакомился я въ
 1879 г., при слѣдующихъ исключитель-
 ныхъ обстоятельствахъ. Въ этомъ году
 совершилось крупное событіе въ гру-
 зинской жизни. Образовалась постоян-
 ная грузинская драматическая труппа,
 образовалась послѣ долгихъ, почти му-
 чительныхъ усилій. Между тѣмъ ре-
 пертуара, можно сказать, совсѣмъ не
 было. Старыя, эристовскія и антонов-
 скія пьесы всѣмъ порядкомъ надоѣли.
 А новыя можно было перечислить по
 пальцамъ. Конечно, съ устройствомъ

постоянныхъ спектаклей должны бы-
 ги сами собой появиться и новыя пьесы. Но въ первое время приходилось
 жутко. Въ эту-то трудную минуту покойный кн Д. Г. Эристовъ (авторъ
 драмы «Родина») сообщилъ вновь образовавшемуся товариществу артистовъ
 чрезвычайно сенсационную новость. Онъ,
 какъ увѣрялъ самъ, нашелъ провиден-
 циальное существо, которое могло спасти грузинскій театръ. При этомъ онъ
 называлъ никому до того неизвѣстнаго Ал. Казбека, тогда только что верну-
 шагося, кажется, изъ Петербурга. Казбекъ, какъ передавалъ Дав. Эри-
 стовъ, имѣлъ до 25 переводныхъ пьесъ на грузинскомъ языкѣ. Услышавъ это,
 я, въ то время немало увлекавшійся театромъ, стремглавъ бросился въ по-
 искн за свалившимся съ неба благодѣ-
 телемъ. Послѣ долгихъ розысковъ, благодѣтель былъ найденъ въ какихъ-
 то грязныхъ номерахъ въ Чугуретахъ (кажется, въ бывш. домѣ Теръ-Мкрти-
 чянца). Это былъ худой и блѣдный молодой человекъ, но съ весьма сим-

патичной и даже красивой физиономіей. Онъ заявилъ, что дѣйствительно бченъ много перевелъ, даже не помнить сколько именно, но что все у него въ безпорядкѣ. При этомъ онъ выразилъ готовность безвозмездно служить грузинской сценѣ чѣмъ можетъ и передалъ въ полное распоряженіе товарищества пяти-актную драму «Подруга жизни». Я эту пьесу видѣлъ до того на русской сценѣ, считалъ ее по содержанію вполне подходящею къ грузинской жизни и былъ въ восторгѣ, когда получилъ въ руки толстую тетрадь, аккуратно испи-санную самимъ Казбекомъ. Я обѣщалъ отдать ее переписать и вернуть черезъ два-три дня. Въ переводѣ попадались нѣкоторые руссизмы, для исполне-нія пьесы не имѣлось въ труппѣ соот-вѣтствующихъ силъ, но все это мало-меня смущало. Пьеса была переписана въ два дня и возвращена автору.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я от-сталъ отъ театра, но въ качествѣ зри-теля мнѣ приходилось видѣть лихора-дочную дѣятельность Казбека на вновь

созданной грузинской сценѣ. Грузинскій репертуаръ получилъ серьезную подмогу. Онъ и переводилъ, и передѣлывалъ, и сочинялъ оригинальныя пьесы. Переводы и передѣлки имѣли прочный успѣхъ, такъ какъ онъ умѣлъ выбирать пьесы со сценическими эффектами. Что же касается его оригинальныхъ произведеній, то одно изъ нихъ, народная драма «Арсенъ» и до сихъ поръ держится въ репертуарѣ, а другое—бытовья сцены «Наши воспитатели» также довольно часто ставились на сценѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Но сценическая его дѣятельность далеко не ограничивалась репертуаромъ. Онъ усердно переводилъ разныя стихотворенія и читалъ ихъ въ дивертисментахъ, выступалъ на сцену въ самыхъ разнообразныхъ роляхъ: комическихъ и драматическихъ; игралъ стариковъ и любовниковъ, режиссировалъ свои и чужія пьесы, былъ администраторомъ, и чѣмъ только еще не былъ для страстно любимаго имъ дѣла?

Около этого же времени, т. е. въ 1880—85 гг., Казбекъ сталъ писать въ груз. газ. «Дрозба» и журналѣ «Тиверія». Здѣсь онъ своими повѣстями и рассказами сразу обратилъ на себя вниманіе читающей публики. Если на сценѣ онъ былъ только полезностью, хоть и очень большой, то въ литературѣ онъ оказался крупнымъ талантомъ. Въ продолженіе упомянутаго времени онъ положительно былъ душой названныхъ изданій. Не буду входить въ разборъ его произведеній. Но не могу не указать, что лирическія мѣста рассказовъ, идеализація ихъ героевъ, прекрасный народный языкъ и занимательность сюжета сильно подкупали массу читающей публики. Рассказы Казбека, помещавшіеся въ рядѣ №№ газеты или журнала, заставляли читателя съ большимъ интересомъ ждать появленія ихъ продолженія. А тѣмъ временемъ авторъ, голодный и трясущійся отъ лихорадки, въ темной и холодной комнатѣ какихъ-нибудь грязныхъ меблированныхъ номеровъ, пос-

Кн. Раф. Эристовъ

(р. 1824 г.)

Кн. Раф. Эристовъ и А. Казбекъ были люди разныхъ поколѣній, разнаго общественнаго положенія и, если можно такъ выразиться, разныхъ родовъ оружія. Р. Эристовъ—человѣкъ сороковыхъ годовъ, Казбекъ—семидесятыхъ, первый былъ чиновникъ, второй—помѣщикъ; сила перваго—въ стихотвореніяхъ, сила втораго—въ романахъ. Но ихъ сближала общность направленія. Оба они со своихъ высотъ спустились къ народу, искренно его любили и воспѣли его. Другое, что сближало ихъ, это беззавѣтное увлеченіе общественною дѣятельностью и литературою. Оба они, не ограничиваясь своею тѣсною сферою, работали во всѣхъ родахъ литературы, оба писали для татра, оба принимали участие въ литературныхъ вечерахъ, оба предпри-

нимали этнографическія изслѣдованія
и пр.

Преклонныя лѣта и болѣзнь за послѣднее время обрекли Р. Эривова на бездѣйствіе въ общественной жизни и литературѣ. Но раньше, особенно въ первое время послѣ оставленія имъ службы въ Кутаисѣ, въ 70 гг., онъ живо откликался на всякіе запросы минуты и принималъ живое участіе во всѣхъ затѣяхъ интеллигенціи того времени. Нужно ли было помочь какому-нибудь литературному предпріятію, устроить ли спектакль или литературный вечеръ, принять ли участіе въ засѣданіяхъ общества сельскаго хозяйства, мѣстнаго отдѣла географическаго общества, общества грамотности или драматическаго общества,—вездѣ можно было разсчитывать на отзывчивость кн. Раф. Эривова.

Около этого времени я и познакомился съ нимъ и его оригинальное отношеніе къ дѣлу глубоко запечатлѣлось въ моей памяти.

Оригинальна была его полнѣйшая

Безпритязательность. Ни малѣйшаго честолюбія и авторскаго самодѣія не могъ бы замѣтить въ немъ самый придирчивый наблюдатель. Не только что ни малѣйшей рисовки, но и ни малѣйшаго стремленія играть подобающую его таланту роль нельзя было-бы усмотрѣть въ дѣйствіяхъ кн. Р. Эристова. Эта необыкновенная скромность очень выгодно выдѣляла его изъ среды его товарищей по общественному положенію.

Приведу здѣсь нѣсколько фактовъ, рисующихъ Р. Эристова съ этой именно стороны.

Въ 1878 г. я задумалъ издать литературный сборникъ на грузинскомъ яз. и, въ числѣ прочихъ, обратился я и къ маститому поэту за содѣйствіемъ. Онъ одинъ изъ первыхъ откликнулся на мою просьбу, хотя меня лично вовсе не зналъ, и съ полною готовностью предоставилъ въ мое распоряженіе толстую тетрадку своихъ еще нигдѣ не напечатанныхъ стихотвореній. Но этого какъ будто было

мало. Онъ вызвался написать и что-нибудь новое. Я, конечно, не успѣлъ исчерпать въ полной мѣрѣ любовь своего новаго друга и ограничился тѣмъ, что попросилъ перевести для моего сборника стихотвореніе Беранже «Нищій». Я его перевелъ прозой съ французскаго на русскій, а кн. Раф. Эрстовъ затѣмъ переложилъ на грузинскіе стихи. Стихи эти вышли бѣлые, безъ рѣзъ, но отъ того едва ли что-либо проиграли.

Переводить поэту, составившему почетное имя въ литературѣ, по заказу ничѣмъ еще не заявившаго себя юноши и притомъ переводить совершенно безвозмездно, все это было для меня неожиданно и тѣмъ болѣе пріятно.

Не разъ пріятно поражалъ меня кн. Раф. Эрстовъ и впоследствии своею глубокою привязанностью къ общественнымъ дѣламъ.

Въ 1879 г., когда только что основался постоянный грузинскій театръ, чувствовалась особенная нужда въ но-

выхъ пьесъ хъ. Въ эту то трудную минуту на выручку явился все тотъ же добрый гений—кн. Раф. Эривовъ. Онъ не только предоставилъ молодому театру въ полное распоряженіе всѣ свои прежніе водевили, передѣланные для груз. сцены съ несомнѣннымъ талантомъ, но и горячо принялся за писаніе новыхъ пьесъ. Одна изъ нихъ, премированная—«Комедія съ дядюшкой» имѣла блестящій успѣхъ; другая, «Адвокаты» была уступлена театру ея непритязательнымъ авторомъ и безъ преміи. А преміи присуждались все тѣми-же молокососами, мною и моими сверстниками, суровый приговоръ которыхъ нисколько не охлаждалъ авторскаго пыла 55-лѣтняго юноши.

Но кн. Раф. Эривовъ не просто писалъ пьесы, которыя соответствовали его таланту, а создавалъ именно такія роли, которыя близко подходили къ талантамъ наличныхъ силъ труппы. Достаточно хотя бы вспомнить ту-же «Комедію съ дядюшкой». Она какъ будто нарочно создана для Сапаровой-

Абашидзе и К. Киниани.

Эта услужливость добраго турга такъ далеко зашла, что его новой пьесѣ, которая создавалась не по этому шаблону, грозилъ на сценѣ серьезный провалъ. Подобныя незаслуженныя фіаско переносилъ кн. Раф. Эристовъ съ такимъ чисто христіанскимъ смиреніемъ, какое невозможно было бы встрѣтить даже у писателя въ тысячу разъ менѣе талантливаго. Невольно вспоминаю исторію съ его комедіей „Качуа“ (ჭაჭა), весьма недурной бытовой и довольно сценичной. Эта пьеса такъ-таки навсегда исчезла изъ бѣднаго оригинальными пьесами грузинскаго репертуара только благодаря тому, что въ ней не было выигрышныхъ ролей для артистовъ и первое представленіе ея вълѣтствіе этого прошло очень слабо.

Всѣ подобныя незаслуженныя неудачи, повторяю, сносилъ кн. Раф. Эристовъ съ необычайнымъ смиреніемъ и, что удивительнѣе всего, у него послѣ такихъ фіаско нисколько не ослабѣ-

вала привязанность къ своему труду. Онъ на другой же день съ новымъ рвеніемъ брался за новую работу, и такъ безъ конца—пока хватало силъ. Лишь недавно, въ 1895 г., настала минута, когда общество сумѣло оцѣнить своего скромнаго и талантливаго труженика, дѣятеля, безкорыстно преданнаго общественному дѣлу, пользавшемуся своей бѣдной интеллигентными силами страны. Въ этомъ году былъ отпразднованъ 50-лѣтній юбилей поэтической дѣятельности кн. Р. Эристова и тѣмъ общество, наконецъ, сумѣло дать нравственное удовлетвореніе дѣятелю, долго остававшемуся въ тѣни.

1895 г.

საქართველოს

ქრონიკული

Кн. Вахт. Орбелиани

(1811—1890)

Кн. Вахт. Орбелиани, подобно кн. Раф. Эристову и А. Казбеку, является въ грузинской литературѣ «кающимся дворяниномъ». Онъ, внукъ царя Ираклія, также проникается народолобіемъ и весь находится подъ вліяніемъ идей семидесятыхъ годовъ. Но онъ менѣе плодовитъ и менѣе ярокъ, чѣмъ вышеназванные писатели, потому что эпоха подъема общественнаго духа застаётъ его почти старикомъ.

Въ то время, какъ у писателей всѣхъ странъ и временъ поэтическое вдохновеніе является достояніемъ молодости и даже ранней молодости, у нашего автора поэтическая дѣятельность начинается въ томъ возрастѣ, въ которомъ она у другихъ обыкновенно прекращается.

Первыя стихотворенія кн. В. Орбе-

ліани, напечатанная въ сборникѣ
его сочиненій, были написаны въ
1857 г., когда автору было уже 33
лѣтъ. Почти всѣ остальные стихотво-
ренія, т. е. 52 изъ 55, относятся къ
періоду 1879—90 гг., т. е. когда по-
эту было 67—78 лѣтъ.

Когда говорятъ, что Дарвинъ или
Бокль писали свои произведенія подъ
конецъ жизни, то мы не удивляемся,
такъ какъ произведенія ихъ, какъ на-
учныя, основаны на матеріалахъ, ко-
торыя возможно было собрать въ тече-
ніе только очень продолжительнаго
времени. Между эпическими писателя-
ми также можно найти рѣдкіе и не
столь яркіе примѣры поздняго пробле-
ска таланта (Гончаровъ, Крыловъ, какъ
баснописецъ и др.), но между лири-
ками дѣятельность кн. Орбеліани,
сколько знаю, безпримѣрна.

Остановился я—если можно такъ
выразиться—на «старческой юности»
кн. В. Орбеліани не безъ основанія.
Она объясняетъ характеръ его поэзіи.
Произведенія его, по своему содер-

жанію, всецѣло соотвѣтствуютъ теченію только новѣйшей грузинской литературы—того именно періода, когда писались его стихотворенія, т. е. 70—80 хъ годовъ. Эти же стихотворенія, появивсь они въ 30-хъ или 40-хъ гг., прозвучали бы рѣзкимъ диссонансомъ въ общемъ хорѣ поэтовъ того времени. «Гражданская скорбь» была чужда тому времени, и поэзія строго сохраняла индивидуалистическое направленіе. Въ грузинской поэтической литературѣ, какъ и въ русской, лиризмъ не возвышался до общественныхъ мотивовъ. Воспѣваніе блага родины, пользы образоваанія, защита правъ бѣдняковъ—было бы въ то время пустымъ резонерствомъ. Личная любовь, личное страданіе, красоты природы—вотъ что служило въ то время главными, если не единственными, источниками поэтического вдохновенія. Выступать тогда съ такими темами, какія мы встрѣчаемъ въ произведеніяхъ кн. В. Орбелиани, было бы неслыханной дерзостью.

Вотъ почему и не удивительно, что

искра, такъ долго тлѣвшая въ тайникахъ благородной души поэта, вѣрно загорѣлась только въ послѣднее время при соприкосновеніи съ свѣжимъ воздухомъ, при дуновеніи свободнаго вѣтерка (наприм., стих. «Имеди», «Старый Дманисъ» и пр.).

Всѣ произведенія кн. В. Орбелиани представляютъ собой одно идейное цѣлое, заключаютъ въ себѣ лучшія тенденціи молодой грузинской литературы и отвѣчаютъ на запросы современной общественной жизни грузинъ.

Для характеристики идеаловъ поэта укажемъ, между прочимъ, на стихотвореніе «Царица», которое приведемъ въ нашемъ прозаическомъ и сокращенномъ пересказѣ.

Поэтъ описываетъ первую любовь юнаго царя. Влюбленный готовъ пожертвовать всѣмъ своимъ достояніемъ, чтобы только завоевать сердце красавицы. Онъ обѣщаетъ дѣлать ее въ богатой, роскошной и поэтической обстановкѣ. Но такія обѣщанія не соблазняютъ возлюбленной. Какъ прио-

брѣсти ея любовь! въ отчаяніи вое-
 клицаетъ царь. Если нужно покрѣ-
 себя славой побѣдителя, то снѣ-
 товъ итти на врага и безжалостно сра-
 жаться. Но и это не дѣйствуетъ на
 дѣвушку. Она, видя пламенную лю-
 бовь царя, рѣшается, наконецъ, про-
 изнести свое слово: «Мнѣ не нужно,
 говорить она, ни твоихъ сокровищъ,
 ни твоего величія: если ты желаешь
 сдѣлать меня царицею, то прежде да-
 руй народу благосостояніе и свободу,
 обезпечь его отъ произвола и верни
 ему то, что добыто имъ трудомъ сво-
 имъ, спаси сиротъ, подыми падшихъ,
 помоги бѣднякамъ». Царь только теперь
 понялъ свое истинное назначеніе, и лю-
 бовь принесла счастье не только ему,
 но и его странѣ.

Другое характерное стихотвореніе
 кн. В. Орбелиани: «Два зданія» пере-
 ведено на русскій яз. въ стихахъ И.
 Ф. Тихоржевскимъ. (см. его сборникъ
 «Грузинскіе поэты въ образцахъ».)
 Здѣсь, какъ и въ лучшемъ своемъ
 стихотвореніи «Имеди» («Надежда»)

поэтъ отрывается отъ современности, чтобы воспѣть лучшія преданія старины.

* * *

Собраніе стихотвореній кн. В. Орбеліани издано изящно и снабжено тѣмъ, отсутствіе чего бываетъ такъ ощутительно въ грузинскихъ сборникахъ, а именно—біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора, хронологическимъ указателемъ и литературною характеристикой. Этимъ мы обязаны дочери покойнаго поэта, извѣстной общественной дѣятельницѣ, кн. М. В. Орбеліани.

Предисловіе написано извѣстнымъ груз. бібліофиломъ П. Умиковымъ, а очеркъ жизни и дѣятельности поэта составленъ кн. И. Г. Чавчавадзе.

Нельзя только не пожалѣть, что послѣдній органичился весьма скуднымъ біографическимъ очеркомъ. Семья царицы Овкы (дочери царя Ираклія) и ея сыновей Александра, Дмитрія и Вахтанга Орбеліани играла въ новѣйшей исторіи края немаловаж-

ную роль и достойна серьезного внимания со стороны историка грузинской культуры.

1894 г.

საქართველოს
ისტორიის ინსტიტუტი

И Ниношвили

(Ингорокვა).

Въ 1894 г. въ сел. Чанчати, озургетскаго уѣзда, скончался отъ злой чахотки молодой грузинскій беллетристъ Игн. Ингороква, писавшій подъ псевдонимомъ Ниношвили. Это былъ наиболѣе выдающійся изъ грузинскихъ беллетристовъ, выступившихъ на литературное поприще въ послѣднее десятилѣтiе. Его рассказы всегда были продуманы, идеи ихъ выношены, а сюжетомъ служила обыкновенно какая-нибудь злоба дня грузинской сельской жизни, преимущественно же — нужды крестьянства! Въ произведенiяхъ покойнаго зомѣчается рѣдкое сочетанiе реализма съ тенденциозностью, и эта черта рѣзко выдѣляетъ его изъ ряда многихъ другихъ представителей современной грузинской литературы, въ одной своей части романтической

и идеалистической, а въ другой ультрареалистической и фотографической. Это обстоятельство отводитъ Ниношвили въ его родной литературѣ особое, самостоятельное мѣсто.

Это не кающійся дворянинъ, какъ Казбекъ, а вышедшій изъ народной (крестьянской) среды бытописатель новыхъ условій грузинской сельской жизни. Героями его являются крестьяне, тронутые городской цивилизаціей и развращающіе деревню, проститутка, сельскій писарь, міроѣдъ, мелкій дворянинъ и пр. Онъ хорошо знакомъ съ этой средой, потому что прошелъ суровую школу жизни: самъ былъ и чернорабочимъ на нефтяномъ заводѣ, и перегрузчикомъ марганца, и наборщикомъ, и сельскимъ учителемъ, и сельскимъ писаремъ. Покойному докончить свое школьное образование помѣшалъ недостатокъ средствъ. Но онъ, оставивъ школу, не переставалъ дѣятельно заниматься самообразованіемъ. Всякаго встрѣчавшагося съ нимъ поражала его эрудиція; онъ производилъ

впечатлѣніе челоѣка, получившаго основательное литературное образование. Живя впроголодь и неуверенно предаваясь занятіямъ, И. Ингороква скоро разстроилъ свое здоровье. Не имѣя возможности зарабатывать средства къ жизни какимъ-нибудь регулярнымъ трудомъ, онъ въ послѣднее время жилъ на родинѣ, въ озургетскомъ уѣздѣ. Его поддерживали небольшимъ пособіемъ изъ пожертвованій собраныхъ, по случаю смерти А. Казбека, на образованіе литературнаго фонда при грузинскомъ обществѣ грамотности.

Можно было ожидать, что трагическій конецъ Ниношвили, умершаго въ ранней молодости, въ нищенской обстановкѣ, вновь напомнитъ грузинскому обществу о горькой участи лучшихъ его сыновъ и подвинетъ его на новыя жертвованія въ пользу зарождающагося литературнаго фонда. Но, увы, надежды эти такъ и остались только надеждами.

Наиболѣе зрѣлыми произведеніями Ниношвили признаются послѣдніе его

разказы: «Мосе-висецъ», появившійся въ 1894 г. въ журналѣ «Моамбе» и «Современный рыцарь», печатавшійся въ газ. «Квали». Довольно характерны также очерки, переведенные на русск. яз.: «Озеро Палеостомъ» («Нов. Обзор.», янв. 1894 г.) и «Распоряженіе» («Кавк. Вѣсти» 1900 г., № 2.).

Интересная біографія этого писателя, представляющаго новый типъ въ современной грузинской литературѣ, появилась на груз. яз., вмѣстѣ съ его произведеніями, въ отдѣльномъ изданіи, а также и на русск. яз. («Нов. Обзор.», 29-го апрѣля 1895 г.).

1894 г.

Зурабъ Антоновъ.

Недавно грузинскій театръ торжественно отпраздновалъ свой юбилей. Подобныя празднества имѣютъ важное значеніе, въ виду того, что туземнымъ театрамъ ихъ нынѣшнее существованіе досталось недешево. Только пройдя долгій тернистый путь, туземное искусство завоевало въ обществѣ нѣкоторый почетъ и право на существованіе.

Первымъ дѣятелямъ туземной сцены приходилось переносить тяжелыя испытанія и въ числѣ этихъ талантливыхъ подвижниковъ Зурабъ Антоновъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ.

Антоновъ былъ горійскій армянинъ, но подобно другимъ горійскимъ армянамъ не зналъ родного языка; зато онъ хорошо владѣлъ грузинскимъ, на

которомъ и написалъ много пьесъ, получившихъ необыкновенную популярность въ народѣ. Приведу біографическія данныя объ этомъ талантливомъ самоучкѣ-драматургѣ, изрѣдка появлявшіяся въ грузинскихъ изданіяхъ. Главныя заимствую изъ посмертной записки его товарища по сценѣ, Ив. Кереселидзе («Иверія»).

Въ 1850 году, когда любителями сцены въ залѣ тифлисской гимназіи, по инициативѣ кн. Воронцова, въ первый разъ былъ устроенъ грузинскій спектакль и давалась первая грузинская комедія кн. Г. Эристова «Раздѣлъ», у З. Антонова съ братомъ была въ Гори мелочная лавка и имъ даже во снѣ не снились сценическіе подмостки. Но скоро братья обанкротились, задолжавъ мѣстному богачу Мирону Амирову до 2 тыс. р., и началось безконечное путешествіе ихъ по судамъ.

З. Антоновъ впалъ въ такое бѣдственное положеніе, что вынужденъ былъ жить чуть не милостынею. Онъ

въ это время часто встрѣчался съ членами набравшейся Эристовымъ труппы и отъ нечего дѣлать завязалъ съ ними близкое знакомство. Приѣхавъ въ Тифлисъ, онъ часто бывалъ за кулисами и въ своемъ нищенскомъ платьѣ прислуживалъ актрисамъ. Здѣсь онъ такъ полюбилъ сцену, что обратился къ Эристову съ настоятельною просьбой принять его въ труппу. Эристовъ не безъ колебаній исполнилъ эту просьбу, зачислилъ Антонова въ труппу, назначивъ ему содержаніе—15 р. въ мѣсяцъ, и для того, чтобъ испытать силы дебютанта, далъ ему отвѣтственную роль купца-армянина въ «Раздѣлѣ», которую раньше игралъ самъ авторъ. Антоновъ, разумѣется, этой роли сразу преодолѣть не могъ и вслѣдствіе этого чуть не лишился своего скуднаго содержанія. Неудавшійся дебютантъ попробовалъ было перейти на роли любовниковъ, но и тутъ потерпѣлъ фіаско. Какъ ни голодалъ Антоновъ, а его все-же чуть не пришлось расчи-

татъ. Когда Эривовъ объявилъ ему объ этомъ, тотъ изъ своего за-
наго пальто вытащилъ какую-то ру-
пись. Оказалось, что Антоновъ, видя свое крушеніе на сценѣ, наскоро, въ теченіе 2 недѣль, передѣлалъ съ русскаго какой-то фарсъ и представилъ Эривову. Послѣдній безнадежно взглянулъ на піесу, но ее тѣмъ не менѣе поставилъ, въ виду крайней бѣдности ренетуара. Каково-же было всеобщее удивленіе, когда комедія произвела на публику впечатлѣніе и авторъ удостоился вызова. Антоновъ отъ радости забылъ о своихъ лохмотьяхъ и въ нихъ выскочилъ раскланиваться передъ зрителями, чѣмъ немало раздосадовалъ корректнаго директора театра, Эривова.

Первый успѣхъ окрылилъ надежды бѣдняги и онъ каждыя двѣ-три недѣли приносилъ по новой піесѣ. Успѣхъ однако создалъ ему также и завистниковъ на сценѣ и онъ немало претерпѣвалъ отъ этого.

Въ 1853 г., съ открытіемъ турец-

кой кампаніи и съ отъѣздомъ ^{изъ} края кн. Воронцова, кн. Эристовъ ^{вышелъ} въ отставку (до того онъ состоялъ директоромъ театра, занимая одновременно должности чиновника особыхъ порученій при намѣстникѣ и грузинскаго цензора) и поселился въ своемъ имѣніи въ сел. Одзиси. Оставилъ театръ и его помощникъ, Ив. Кереселидзе, поступивъ на казенную службу. У грузинской труппы тогда другого руководителя не оставалось, кромѣ Антонова. Но субсидія, отпущавшаяся до того изъ казны, въ 5,000 руб. въ годъ, была прекращена и грузинскіе спектакли также скорѣе совсѣмъ прекратились. Антоновъ тогда занялся изданіемъ своихъ сочиненій: печаталъ онъ книги на гроши, собираемые у знакомыхъ, и сбывалъ ихъ, шляясь по улицамъ и навязывая встрѣчному и поперечному. Разъ только удалось бѣдному писателю получить сколько-нибудь крупную ссуду, а именно 100 руб., отъ кн. Ив. Малх. Андроникова, бывшаго въ то время въ

Тифлисѣ военнымъ губернаторимъ, во
увы, не пришлось ея воспользоваться,
какъ читатель это увидитъ сейчасъ.
Получивъ деньги, Антоновъ быстрыми
шагами направился домой по Сапер-
ной улицѣ. Богъ знаетъ, какъ радова-
лось его сердце, когда онъ увѣрился,
что скоро осуществятъ давнишнюю
мечту: увидитъ въ печати свою луч-
шую комедію, — какъ вдругъ изъ во-
ротъ какого-то дома выскочила бѣше-
ная собака и повалила несчастнаго
Антонова. Еле полицейскіе вырвали
его и отвезли домой, въ какой-то глу-
хой переулокъ на Мтацминдской горѣ,
въ убогую квартирку. Здѣсь въ пол-
номъ одиночествѣ, на сломанной кро-
ваткѣ, стоявшей на каменномъ полу,
въ страшныхъ мученіяхъ умиралъ еще
молодой, совершенно здоровый до того,
человѣкъ. Объ его несчастіи товарищи-
актеры (Тати́евъ, Кордзаія, Еліозовъ,
Рати́евъ и Кереселидзе) узнали только
черезъ двѣ недѣли послѣ происше-
ствія. При приближеніи къ квартирѣ
Антонова, посѣтителемъ его послы-

шался ужасный, душу раздирающій, крикъ. У больного развила^{сь} стран^{ная} на^я, неутолимая жажда, на^{рту} вы^{ступала} пѣна, и онъ просилъ или дать вылить воды, или застрѣлить. Но голосъ этотъ остался голо^{сомъ} вопіющаго въ пустынѣ. Комнатка была заперта на замокъ и у ея дверей стоялъ десятскій.

На другой день Антоновъ скончался, его положили въ досчатый некрашеный гробъ и отвезли на кладбище въ сопровожденіи только полицейскихъ и четырехъ товарищей-актеровъ.

Книги Антонова были проданы полиціею съ публичнаго торга, въ возмѣщеніе долга его губернатору (взятая въ долгъ девьги были утеряны во время свалки на Соперной ул.), а рукописи хранились въ полицейскомъ управленіи. Кереселидзе впоследствіи вспомнилъ о нихъ и немало рылся въ архивѣ, но ничего все-же не нашель. Многія комедіи Антонова, и между ними лучшая по отзывамъ современниковъ, безвозвратно исчезли.

Такова была печальная судьба этого самородка. Онъ одновременно нищенствовалъ, чуть не умирая съ голода, и забавлялъ сытую толпу; обливался горячими слезами, изъ-за закулисныхъ интригъ, и вызывалъ въ публикѣ неудержимый смѣхъ. Какъ должна была быть богата эта натура, вѣчно бросаема изъ жара въ холодъ, изъ огня въ воду, чтобы выдержать все невзгоды судьбы и сохранить въ душѣ неугасаемую поэтическую искру. Комедіи Антонова устарѣли, грубый фарсъ съ ломаннымъ языкомъ армянъ купцовъ и имеретинъ слугъ навсегда уступилъ мѣсто на груз. сценѣ болѣе осмысленному репертуару, но услуги, оказанныя покойнымъ драматургомъ грузинскому театру, въ первые, трудные годы его существованія, никогда не забудутся, а перейдутъ въ исторію грузинской сцены, вмѣстѣ съ заслугами Г. Эристова, перваго директора грузинскаго театра.

Лавр. Ардазіани.

Лавр. Ардазіани—несправедливо забытый грузинский писатель 60-х гг. Какъ Г. Эристовъ былъ отцомъ грузинской комедіи, такъ Лавр. Ардазіани можно назвать отцомъ грузинскаго реалистическаго романа. Его «Соломонъ Исаковичъ Меджгануашвили» появился ранѣе повѣсти кн. Чавчавадзе «Кація Адаміани», а именно въ 1861 г.

Ардазіани по таланту и по широтѣ замысла, конечно, уступаетъ послѣдующимъ балетристамъ. Но все-же нельзя сказать, чтобъ онъ былъ настолько незначителенъ, чтобы вовсе игнорировать въ такой бѣдной беллетристической прозѣ литературѣ, какъ грузинская.

Ардазіани отличался несомнѣнно наблюдательностью и юморомъ. Правда, онъ не вошелъ въ самый центръ гру-

зинской жизни, какъ И. Чавчавадзе, Г. Церетели или А. Казбекъ, но все же сфера его наблюдений не вовсе была ничтожна. Типъ мелкаго торгаша Меджгануашвили, затѣмъ ставшаго денежнымъ тузомъ, фигурировалъ и ранѣе въ комедіяхъ, повѣстяхъ и драматическихъ произведеніяхъ. А это указываетъ на то, что городской торгашъ—довольно крупная сила въ грузинской, какъ впрочемъ и во всякой другой, жизни. Правда, Ардазіани не избѣгъ общей участи писателей, изображавшихъ этотъ типъ,—утрировки, но онъ менѣе другихъ повиненъ въ этомъ грѣхѣ. Въ романѣ Ардазіани рядомъ съ карриатурой, много жизненной правды, психологической проникновенности, много смѣха сквозь слезы. Его Меджгануашвили злодѣй, но нелишенный человѣческихъ чертъ. Въ этомъ отношеніи Меджгануашвили ближе всего подходитъ къ нѣкоторымъ героямъ Г. Сундукіанца. (Пьесы г. Сундукіанца написаны позже романа «Меджгануашвили»; поэто-

му нельзя упрекнуть Ардазіани въ подражательности).

Считая романъ Ардазіани изъ лучшихъ въ новой грузинской литературѣ и принимая во вниманье, что его нѣтъ въ русскомъ переводѣ, нахожу небезынтереснымъ кратко передать его содержанье.

Соломонъ Исавичъ, герой романа Л. Ардазіани, началъ свою карьеру ростовщицествомъ и факторствомъ. Эти занятія не требовали ни большого труда, ни особеннаго риска; достаточно было лишь держаться слѣдующей морали: нужно знать слабости человѣческаго сердца и безжалостно эксплуатировать ихъ; нападай на человѣка, когда онъ въ крайней нуждѣ, и возьми у него все, что только можно взять «Ложно клясться, — сознается Мечгануа-швили, — также было легко для меня, какъ сморкаться; въ противномъ случаѣ и копѣйку то добыть было-бы невозможно». Но не такъ чистосердеченъ Мечгануа-швили передъ своими жертвами; предъ ними

онъ оправдываетъ свое отвратительное ремесло философiею, которая безсмертна уже потому одному, что ее времена одинаково повторяли спекулянты всѣхъ родовъ. Вотъ она: есть глупцы, которые не умѣютъ пользоваться своимъ добромъ, воспользоваться имъ умному—право не грѣшно. «Вы, говоритъ Соломонъ Исакичъ своему должнику—народъ не расчетливый, беззаботный, недалъновидный. Вотъ, на примѣръ, если-бы блаженной памяти вашъ отецъ заплатилъ мнѣ своевременно триста рублей, то теперь его сыну не пришлось-бы лишиться, вмѣсто этой ничтожной суммы, цѣлыхъ четырехъ тысячъ семисотъ тридцати девяти рублей и тридцати семи копѣекъ». Не то же ли говорилъ буржуазный экономистъ Бастіа въ своихъ «Экономическихъ противорѣчiяхъ». «Уничтожьте глупыхъ Оргоновъ,—проповѣдывалъ онъ,—а коварнымъ Тартюфамъ дайте полную свободу; послѣдніе сами собою улетучатся, не находя глупцовъ, которыхъ можно было бы эксплуатировать». Не вся-

кій, конечно, сообразить, что если дать свободу Тартюфамъ, то они не дозволятъ никому уничтожить ^{главныхъ} Оргоновъ, какъ извѣстно, являющихся для нихъ, Тартюфовъ, важнымъ источникомъ дохода. И вотъ для такихъ, именно, несообразительныхъ и выдумана спекулянтами и ихъ глубокомысленными защитниками вышеприведенная философія, узаконяющая ложную клятву, злостное банкротство и многія другія, подобныя этимъ прелести.

Теперь посмотримъ, къ какому торжеству привели Соломона Исакича такія сдѣлки съ совѣстью. Онъ давно уже милліонеръ, одѣтъ настоящимъ джентльмэномъ, по временамъ появляется въ театрѣ рядомъ съ царской ложой. Супруга и дочь Соломона Исакича скоро превращаются изъ торговокъ въ настоящихъ барынь. А сынъ его, неучъ, благодаря своей щедрости усаживается на тепленькое мѣсто въ какой-то канцеляріи. Словомъ, мѣняльщикъ Мечгануа-швили очень, очень силенъ и въ большемъ, пребольшемъ

почетъ; настаетъ, наконецъ, пора, когда онъ имѣетъ возможность отомстить всѣмъ своимъ старымъ врагамъ, которые преслѣдовали когда-то его безпомощную мать.

Местъ эта удается какъ нельзя лучше, но ни эта мечь, ни огромное богатство не даютъ счастья Соломону Исакичу.

«У насъ достаточно роскоши, удовольствій, гостей, пѣсень,—говоритъ жена Соломона Исакича,—прислуга то и дѣло увивается около насъ, не лишены мы и благословенія духовныхъ отцовъ, но все-же мы несчастны! Вотъ и я, кажется, захворала не на шутку. Да и въ тебѣ, Саломонъ Исакичъ, нѣтъ прежняго веселія.... Богъ милостивъ! Но все-же я думаю, что у насъ должны быть враги..... Врагъ можетъ надѣлать много вреда.... Явнаго врага я не вижу, но развѣ нѣтъ враговъ, скрытно роющихъ намъ яму?» ■

Тѣ-же предчувствія пугаютъ и самаго Мечгануа-швили.

«Я вспомнилъ, —говоритъ онъ,—свою

скрытую вражду, которую я убилъ Саркисбегова; воспоминаніе объ этомъ гадкомъ преступленіи сжало мнѣ сердце... Съ другой стороны я сталъ бояться мести; при мысли о ней я со страху дрожалъ и чуть съ ума не сходилъ. Непремѣнно, думалось мнѣ, за зло отплатить зломъ-же. Вообразилъ я себя въ положеніи обанкротившагося, безпомощнаго, больного Саркисбегова и громко застоналъ!»

Однако, несчастіе Мечгануа-швиди не ограничивалось одними скверными предчувствіями. Плоды побѣдъ этого героя, ловко завоевавашаго все то, что должно было дать счастье, были уничтожены человѣкомъ, котораго наше общество обыкновенно признаетъ не только неловкимъ, но даже безразсуднымъ. Такимъ, въ данномъ случаѣ, оказался молодой правовѣдъ Раиндидзе, характеръ котораго легко узнать по одной ужъ этой фамиліи.*) Раиндидзе былъ рыцарь; онъ рѣшительно отказался какъ отъ молчалинства, которое его очень скоро могло дове-

сти до „степеней извѣстныхъ“, такъ и отъ чичиковщины, которая дала ему вмѣстѣ съ уродливою, глупою и необразованною женою, весьма почтенный капиталецъ. Онъ предпочелъ дочери милліонера Мечгануа-швили, бѣдную, но милую княжну Елену, и за это, конечно, его не похвалили бы современные дѣльцы, въ глазахъ которыхъ подобный поступокъ считается просто глупостью. Но эта глупость юнаго князя однако оказалась роковою для всемогущаго Мечгануа-швили. Послѣдній вѣчно поклонялся деньгамъ, какъ Богу, которому принесъ онъ въ жертву все дорогое его сердцу, все честное, таившееся въ немъ. Передъ этимъ Богомъ, по его понятіямъ, должны были падать ницъ всѣ, не исключая и молодыхъ пылкихъ рыцарей, готовыхъ объявить войну цѣлому свѣту, и вдругъ ... Все это вѣрованье Соломона Исакича во всемогущество золотого тельца разбилося о благородную глупость молокососа Раиндидзе. Этотъ молокососъ не плѣнился несмѣтнымъ бо-

гатствомъ Мечгануа-швили и женился на дочери грузинскаго князя. Онъ былъ, вѣроятно, въ долгу какому-нибудь

Такова поучительная исторія Мечгануа-швили. Авторъ, повидимому, хотѣлъ намъ сказать: нерѣдко и ничтожное насѣкомое можетъ отравить могущественнаго льва, а какойнибудь мечтатель разрушить кое-что изъ того, что создано кровью и слезами невинныхъ жертвъ насилія и коварства.

Нужно сознаться, что такая тенденціозность романа немало повредила художественной правдѣ. Автору, для разъясненія своихъ тенденцій, приходится нерѣдко прибѣгать къ неестественнымъ положеніямъ и даже къ созданію неправдоподобно идеальныхъ типовъ. Такъ, напримѣръ, невѣжда Мечгануа-швили часто философствуетъ и притомъ напыщеннымъ языкомъ, умѣстнымъ развѣ только въ глубокомысленныхъ статьяхъ блаженной памяти «Цискари *), а дочь Саломона Исаковича, при первой-же встрѣчѣ съ

*) Стародавній грузинскій журналъ.

Раиндидзе, влюбляется въ него и умираетъ (!!), узнавъ, что любленный женится на другой. Впрочемъ, надо сознаться, что подобныя неестественности часто встрѣчаются и въ другихъ беллетристич. произведеніяхъ, ставящихъ себѣ нѣсколько разнородныхъ задачъ: изображеніе дѣйствительности, ея критику и выработку нравственныхъ идеаловъ. А «Соломонъ Исакичъ Мечгануа-швили» г. Ардазіани является именно такимъ сложнымъ произведеніемъ.

Въ заключеніе нельзя не отмѣтить, что какъ ни безнощаденъ Ардазіани въ изображеніи темныхъ сторонъ городскихъ торгашей, все-же ни разу не выказываетъ нетерпимости къ ихъ національности, -- явленіе рѣдкое въ послѣдующей грузинской беллетристикѣ. Пользу произведеніемъ грузина Ардазіани могъ бы смѣло подписаться армянскій драматургъ Г. Сундукіанцъ.

Это можно объяснить тѣмъ, что въ то время, въ 60-хъ гг., грузино-армянскія отношенія вообще были сов-

сѣмъ иныя и взаимная національная
вражда не ослѣпляла передовыхъ пред-
ставителей обѣихъ народностей. Это
зло—зло послѣдующаго времени.

საქართველოს
ლიტერატურის

Н. Бараташвили

(1816—1845)

Рѣдко поэзія даже болѣе культурныхъ странъ, чѣмъ наша, давала такихъ яркихъ представителей, какъ Бараташвили. Онъ былъ не только крупнѣйшій талантъ, но и лучъ свѣта во тьмѣ шаблонныхъ, напыщенныхъ, сентиментальныхъ на персидскій ладъ произведеній поэзіи того времени. Мощный желѣзный стихъ, глубокое, какъ океанъ, горе, горе непонятаго обществомъ борца, самоотверженная любовь къ человѣчеству—все это было такою неслыханной новизной въ грузинской—да и не въ одной грузинской—литературѣ 30 и 40-хъ гг., что легко представить себѣ всю ту горькую чашу, которую испилъ до дна безвременно угасшій поэтъ. Его постоянная борьба съ предразсудками современнаго ему общества, его ядовитыя

насмѣшки, его вспышки злобы—прежде всего подвосили его-же самог^о. Онъ былъ оторванъ отъ общества и погибъ, не доживъ даже до 30 лѣтъ, въ глухомъ городишкѣ, въ которомъ чуть не затерялись послѣдніе слѣды его останковъ.

Вотъ что писалъ поэтъ о себѣ:
 Пусть кину край родной, въ душѣ по
 немъ тоскуя,
 И не увижу вновь ни зилой, ни род-
 ныхъ;
 Гдѣ свѣтъ разсѣтъ тьму—тамъ родину
 найду я,
 Тамъ звѣздамъ расскажу всѣ тайны
 чувствъ моихъ...
 Пусть трунъ мой не свесутъ на кладби-
 ще родное,
 Пусть милая къ нему не принадлетъ въ
 слезахъ,
 Пусть воронъ выклюетъ глаза мои, и
 воя,
 Пусть вѣтеръ занесетъ пескомъ мой жал-
 кій прахъ,—
 Пусть будетъ одинокъ твой всадникъ, уми-
 рая;
 На встрѣчу смѣрти самъ, безстрашный,
 онъ пойдетъ,—
 Лети, мой конь, лети, усталости не зная,
 И по вѣтру развѣй печальной думы гнетъ.

Но потомство теперь начинает не правлять ошибки прошлого и ответственное перенесение останков покойнаго изъ Елисаветполя въ Тифлисъ какъ-бы оживило въ памяти общества обязательный образъ великаго писателя.

* * *

Только въ послѣднее время стали появляться воспоминанія современниковъ о Бараташвили и сборники его стихотвореній и писемъ.

Пользуясь этими матерьялами, попытаюсь здѣсь дать русскимъ читателямъ понятіе о жизни и писательской дѣятельности этого замѣчательнаго грузинскаго поэта.

На первый разъ я беру воспоминанія сверстника поэта ген.-лейт. К. Х. Мамацева, которыя были напечатаны въ 1881 г. въ газ. «Дрозба» и затѣмъ изданы отдѣльной брошюрой.

Н. Бараташвили родился 22-го ноября 1816 г., въ Тифлисъ. Его отецъ, кн. Мелитонъ, жилъ съ дѣтства въ этомъ-же городѣ, получилъ приличное для своего времени воспитаніе, зна-

комъ былъ съ грузинскою литературою и обладалъ хорошимъ даромъ слова. Вѣдомъ кн. Мелитона можно было часто встрѣтить лучшихъ представителей грузинскаго общества, изъ которыхъ священникъ Игнатій Иосселиани, отецъ ученаго писателя Плат. Иосселиани, состоявшій при дворѣ послѣднихъ грузинскихъ царей, бывалъ здѣсь почти ежедневно. Здѣсь-же часто можно было видѣть поэта кн. Ал. Чавчавадзе. Самъ Мелитонъ Баратовъ, будучи уважаемъ въ обществѣ, нѣсколько разъ былъ избираемъ предводителемъ дворянства тифл. уѣзда.

Мать поэта, урожденная кн. Орбеліани (старшая сестра поэта кн. Григ. Дм. Орбеліани), также была образованной женщиной.

Ник. (по прозванію Тато) Бараташвили въ дѣтствѣ слылъ за очень любознательнаго и впечатлительнаго мальчика. Въ 1827 г. онъ былъ отданъ въ тифлисскай пансіонъ для благородныхъ, впослѣдствіи, въ 1830 г., преобразованный въ гимназію. Авторъ

вспоминаній зналъ поэта съ 1828 г. съ третьяго класса, и зналъ какъ рошаго ученика, хорошаго товарища, очень веселаго и рѣзваго мальчика. Но черезъ три года К. Х. Мамацевъ оставилъ гимназію и вновь видѣлся съ Н. Бараташвили только въ 1837 г. Въ это время поэтъ состоялъ уже столоначальникомъ палаты угол. и гражд. суда, куда онъ поступилъ послѣ окончанія курса гимназіи, въ 1835 г. Общественныхъ развлеченій въ то время въ Тифлисѣ не существовало, такъ какъ не было ни клубовъ, ни театровъ, и старыя товарищи проводили время то въ домѣ Н. Бараташвили, то у кн. Лев. Ив. Меликова, воспитывавшагося въ гимназіи одновременно съ ними. Семейныя обѣды, игра въ карты и нарды, прогулки въ лунную ночь по садамъ, которыхъ такъ было много въ то время въ Тифлисѣ—вотъ какъ развлекалась тогдашняя молодежь. Но необходимо упомянуть, что темой для бесѣдъ часто служили разныя литературныя и общественныя явленія того

времени, а однажды молодые люди (одна из них была и П. Иосселиани) пришли даже за составление истории Грузии. Выполнить эту последнюю работу было очень трудно за недостаткомъ матеріаловъ и ее, въ концѣ концовъ, пришлось бросить; тѣмъ не менѣе поэтъ очень серьезно интересовался исторіею Грузии, особенно XVIII в., и часто воспоминалъ разные эпизоды.

Н. Бараташвили началъ писать, какъ и всѣ поэты вообще, очень рано. Первые его стихотворенія были написаны въ гимназическіе годы, но многія изъ нихъ утеряны, такъ какъ въ то время печатной литературы почти вовсе не существовало. Авторъ воспоминаній помнить, напр., наброски большой поэмы «Иверійцы», въ которой воспѣвалось процвѣтаніе Грузии въ X—XII вѣкахъ, но этой поэмѣ, какъ извѣстно, теперь въ «Собраніи сочиненій» поэта нельзя встрѣтить. Болѣе зрѣлымъ произведеніемъ Н. Бараташвили нужно признать другую его историческую поэму «Судьба Грузии», которая

сохранилась и слишкомъ хорошею известна почитателямъ его талантовъ.

Въ 1844 г. Н. Бараташвили былъ назначенъ помощникомъ нахичеванскаго уѣзднаго начальника (уѣздомъ временно управлялъ въ то время кн. Лев. Ив. Меликовъ), но вскорѣ, въ 1845 году, переведенъ былъ на ту-же должность въ Елисаветполь. Туда Бараташвили совсѣмъ не тянуло, но семейныя обстоятельства такъ измѣнились, что онъ не могъ отказаться отъ предложенной ему должности. Отецъ его въ старости впалъ въ бѣдность (имѣнія его были проданы) и не только не могъ оказывать сыну никакой денежной помощи, но самъ нуждался въ его поддержкѣ.

Во время постоянныхъ разъѣздовъ и усиленныхъ служебныхъ занятій, лѣтомъ, въ 1845 г., Н. Бараташвили заболѣлъ мѣстною злокачественною лихорадкою и въ октябрѣ того-же года скончался.

Могила покойнаго была съ тѣхъ поръ заброшена и совсѣмъ забыта,

пока въ 1891 г. не стало упразднять-
ся вовсе то кладбище, на которомъ
покоился прахъ поэта. Только тогда
мѣстная печать вспомнила о забытой
могилѣ и подняла вопросъ о перене-
сеніи ея въ Тифлисъ. Но какъ было
найти могилу? Плита съ надписью
была снята съ могилы давно и храни-
лась въ церкви. Только по могилѣ
брата поэта, похороненнаго также въ
Елисаветполѣ (въ 1825 г.), удалось
добраться до останковъ поэта. Уцѣлѣ-
ли отъ разрушительнаго вліянія вре-
мени, кромѣ костей, только пуговицы
отъ мундира и одинъ сапогъ, который,
однако, при первомъ прикосновеніи къ
нему, обратился въ прахъ.

Здѣсь же воспользуюсь тѣми пись-
мами и воспоминаніями современни-
ковъ поэта, которыя помѣщены въ
статьяхъ г. Меунаргія въ газ. «Иве-
рія» за 1893 г. Г. Меунаргія пользо-
вался главнымъ образомъ архивомъ
дяди Н. Бараташвили, также извѣст-
наго поэта кн. Гр. Дм. Орбеліани, и

воспоминаніями школьнаго товарища Бараташвили, кн. Лев. Ив. Меликова. Матеріаль, даваемый г. Меунаргія, не богатъ, но, повидимому очень благонадеженъ.

Пишущему эти строки приходилось слышать рассказы о Бараташвили отъ своего отца и школьнаго товарища поэта, кн. Мих. Биртв. Туманова, и эти рассказы совпадаютъ съ данными, заключающимися въ упомянутыхъ статьяхъ.

Нравственный образъ Бараташвили прежде всего поражаетъ всякаго своимъ сходствомъ съ общимъ типомъ людей 30-хъ гг. Тотъ-же избытокъ духовныхъ силъ и то-же разочарованіе въ жизни, байронизмъ въ поэзіи и дѣйствительности, могучіе порывы въ общественной дѣятельности и въ результатъ только бѣшеная погоня за свѣтскою мишурой. Печорины и Лермонтовы шли на военную службу, привлекавшю ихъ своими приключеніями и тревоженіями, и Н. Бараташвили также страстно желалъ той-же дѣя-

тельности. Но этого желанія поэтъ не могъ выполнить только потому, что въ дѣтствѣ сломалъ себѣ ногу и въ его положеніи онъ могъ понасть развѣ только въ «инвалидную команду». Простившись съ мечтами о военной службѣ, поэтъ задумалъ докончить свое образованіе въ университетѣ, но и это, къ несчастью, ему не удалось. Отецъ былъ стѣсненъ въ матеріальномъ отношеніи и не было средствъ на продолженіе образованія. Поэтъ поступилъ въ экспедицію палаты гражданскаго и уголовного суда, а затѣмъ перевелся въ уѣздную администрацію.

Ни канцелярія, ни полицейская служба, конечно, поэта не могли удовлетворить и онъ страстно желалъ слиться съ обществомъ и жить одною съ нимъ жизнью. Онъ вертѣлся въ разнообразныхъ кружкахъ и вездѣ являлся душой общества. Онъ прекрасно игралъ на туземныхъ инструментахъ (чонгури, тари), плясалъ лезгинку, дулся въ карты, острилъ безъ конца, сочинялъ эниграммы, посвященія и

проч. Остроты Н. Бараташвили, как и Лермонтова, разъ довели его до дуэли, — съ роднымъ дядею, Ил. Орбеліани. Дуэль эта, впрочемъ, кончилась совершенными пустяками: холостыми выстрѣлами и комическими сценами. Такъ-же благополучно кончилось столкновение поэта съ извѣстнымъ Плат. Иоселіани, котораго онъ обозвалъ богословомъ (богъ ословъ).

Въ пьесѣ Г. Эривова „Помѣшанная“ (*«მეშლილი»*), въ послѣдней сценѣ, представляющей игру въ лото и разговоры о разныхъ городскихъ происшествіяхъ, забѣгаетъ молодой человѣкъ-живчикъ, который и рассказываетъ самую послѣднюю, самую сенсационную новость. О немъ отзываются дамы: *«ვინ მოვიდა ჩვენს მუშკონს»* («вотъ пришелъ нашъ сплетникъ»).

Въ этомъ живчикѣ, прозванномъ дамами сплетникомъ, авторъ выставляетъ покойнаго Бараташвили.

Но удивительное дѣло! Этотъ весельчакъ, занимающій своими шутками самое разнообразное общество,

умѣть глубоко грустить, проклинати міръ; мало того, умѣть, своими гучими стихами, погрузить въ самое мрачное настроеніе. Его поэзія—это великолѣпный, божественно-гармоничный, но тѣмъ не менѣе погребальный гимнъ.

Но въ Бараташвили сидѣло не два, а три человекъ. Онъ одновременно былъ не только весельчакъ отчаянный мизантропъ, но и дѣловитый чиновникъ. Позень, ревизовавшій гражданскія учрежденія въ Тифлисѣ въ 30-хъ гг., былъ въ восторгѣ отъ занятій Бараташвили и аттестовалъ его предъ военнымъ министромъ самымъ лестнымъ образомъ. Предсѣдатель палаты гражд. и угол. суда, гдѣ служилъ поэтъ, какъ-то разъ заподозрилъ въ немъ нерадивость, въ виду его частыхъ отлучекъ изъ канцеляріи. По этому случаю предсѣдатель обревизовалъ своего чиновника-непосѣду и, къ крайнему своему удивленію, все нашелъ у него въ исправности. Ничего не оставлось, какъ замѣтить: «Въ такомъ случаѣ

продолжайте бѣгать, сколько вашей души угодно».

Изъ всего сказаннаго можно вывести только одно. Бараташвили былъ богато одаренъ отъ природы даромъ слова, поэтическимъ огнемъ, трудолюбіемъ, чуткою ко всякой неправдѣ душой, и не находя правильнаго исхода для всѣхъ этихъ выдающихся способностей, мѣнялся на мелочи, отчего страдалъ и его стоны отдавались въ его чудныхъ стихахъ, какъ стонъ глубоко изболѣвшей отъ неправды души.

1893 г.

Экз. № 111111
303333111111333

М. Ю. Лермонтовъ.

(1814—1841)

Лермонтовъ не только русскій поэтъ; онъ, кромѣ того, поэтъ кавказскій. Онъ такъ много воспѣвалъ Кавказъ, такъ часто жилъ здѣсь, что трудно говорить о творцѣ «Героя нашего времени», «Демона», «Мцыри», не упоминая объ его отношеніяхъ къ нашему краю.

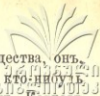
Подъ вліяніемъ поэзіи Байрона воинственный Кавказъ представлялся юному Лермонтову, утомленному пустой свѣтской жизнью, чѣмъ то возвышеннымъ, ареною для необыкновенныхъ рыцарскихъ подвиговъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какимъ то священнымъ храмомъ для истинно-вѣрующаго. Вдучи сюда, поэтъ проклялъ Петербургъ и ту узкую бюрократическую среду, съ которой приходилось ему постоянно соприкасаться. Вотъ что, на примѣръ, онъ писалъ въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ нашъ край:

Увы, какъ скученъ этотъ городъ
 Съ своимъ туманомъ и водою! Кудамъ ни пойдешь,
 Куда ни глянешь, — красный воронъ
 Какъ шипитъ, торчитъ передъ тобой.
 Быть можетъ, за хребтомъ Кавказа
 Укроюсь отъ твоихъ напастей,
 Отъ ихъ всевидящаго глаза,
 Отъ ихъ всеслышащихъ ушей.

Вдохновившись кавказскою природою и поэзіею боевой жизни на Кавказѣ, поэтъ создалъ здѣсь лучшія свои произведенія. «Можно сказать безъ преувеличенія, — замѣчаетъ Бѣлинскій, разбирая поэму «Мцыри», — что поэтъ бралъ цвѣты у радуги, лучи у солнца, блескъ у молніи, грохотъ у громовъ, гулъ у вѣтровъ, что вся природа сама несла и подавала поэту матеріалы, когда писалъ онъ эту поэму... Картины природы дышатъ грандіозностью и роскошнымъ блескомъ фантастическаго Кавказа».

Если поэтъ такъ много заимствовалъ отъ кавказской природы и жизни, то не менѣе цѣнные дары онъ принесъ своей второй родинѣ. Поэтизируя нашъ край въ средѣ всей обра-

зованной части русскаго общества, онъ
 быть можетъ, болѣе чѣмъ кто-нибудь
 другой сблизилъ и сроднилъ Кавказъ
 съ остальною Россіею. Всякій приѣзжій
 къ намъ съверянинеъ, интересующійся
 нашимъ краемъ, знаетъ наизусть Лер-
 монтова, и наоборотъ, всякій образован-
 ный обитатель обширной русской тер-
 ритории, знающій наизусть Лермон-
 това (а кто его не знаетъ наизусть?),
 невольно заинтересовывается и
 нашимъ краемъ, какъ чуднымъ ск-
 зочнымъ міромъ, какъ волшебною ро-
 диною поэзіи. Точно также и образо-
 ванная часть кавказскаго туземнаго
 общества, въ лицѣ Лермонтова, полю-
 била русскую поэзію, русское образо-
 ваніе, русскую культуру. На грузин-
 ской языкъ давно уже переведены та-
 кія крупныя произведенія, какъ «Де-
 монъ», «Герой нашего времени», и
 «Маскарадъ», не говоря уже о мел-
 кихъ стихотвореніяхъ; армяне-же имѣ-
 ютъ въ двухъ переводахъ «Демона»,
 который изданъ даже отдѣльной книгой,
 а «Маскарадъ» неоднократно давался

на армянской сценѣ, и съ немалымъ успѣхомъ.

Таковы бываютъ всегда результаты неотразимаго вліянія таланта и искренняго чувства, просвѣщенія и культуры вообще.

I.

Въ продолженіе своей недолгой жизни, Лермонтовъ посѣтилъ Кавказъ четыре раза.

«Рано, 10-ти лѣтъ, — говоритъ одинъ изъ его біографовъ, Дудышкинъ, — бабушка брала его съ собою на кавказскія воды, гдѣ онъ, какъ новый Дантъ, успѣлъ влюбиться не на шутку, и четыре года спустя такъ трагически записалъ это событіе своей жизни въ одной изъ тетрадей своихъ:

«Кто мнѣ повѣритъ, что я зналъ уже любовь, имѣя десять лѣтъ отъ роду?

«Мы были большимъ семействомъ на водахъ кавказскихъ: бабушка, тетуська, кузины. Къ моимъ кузинамъ приходила одна дама съ дочерью, дѣвочкой лѣтъ девяти. Я ее видѣлъ тамъ.

Я не помню, хороша собой она была, или нѣтъ, но ея образъ и теперь еще хранится въ головѣ моей; ~~онъ мнѣ~~ любезенъ самъ не знаю почему. Одинъ разъ—я помню—я воѣжалъ въ комнату: она была тутъ и играла съ кузиной въ куклы; мое сердце затрепетало, ноги подкосились. Я тогда ни о чемъ еще не имѣлъ понятія, тѣмъ не менѣе, это была страсть сильная, хотя ребяческая: это была истинная любовь. Съ тѣхъ поръ я еще не любилъ такъ.. И такъ рано! Надо мной смѣялись и дразнили, ибо примѣчали волненіе въ лицѣ. Я плакалъ потихоньку, безъ причины, желалъ ее видѣть; когда она приходила—я не хотѣлъ или стыдился войти въ комнату. Я не хотѣлъ говорить о ней и убѣгалъ, слышалъ ея названіе (теперь я забылъ его), какъ-бы страхась, чтобы біеніе сердца и дрожавшій голосъ не объяснили другимъ тайну, непонятную для меня самого. Я не знаю, кто была она, откуда; и понынѣ мнѣ неловко какъ-то спросить объ этомъ...

«Бѣлокурые волосы, голубые глаза,
быстрые... нѣтъ, съ тѣхъ поръ
чего подобнаго не видалъ, или это
мнѣ кажется, потому что я никогда
такъ не любилъ, какъ въ тотъ разъ.
Горы кавказскія для меня священны...

«Говорять (Байронъ), что ранняя
страсть означаетъ душу, которая бу
детъ любить изящныя искусства. Я
думаю, что въ т.кой душѣ много
музыки».

Къ этому-же времени (1830 г.) от
носится слѣдующее стихотвореніе Лер
монтова («Посвященіе», соч. Лерм., т.
II, стр. 74, изд. 1887 года).

Прими, прими мой грустный трудъ
И, если можешь, плачь надъ нимъ.
Я много плакалъ. Не придуть
Вновь эти слезы—вѣчно имъ
Не освѣжить моихъ очей.
Когда катилися они,
Я думалъ, думалъ все о ней,
Жалѣлъ и ждалъ другіе дни.
Ужъ нѣтъ ея, и слезъ ужъ нѣтъ,
И нѣтъ надеждъ. Передо мной
Блеститъ надменный, груный свѣтъ
Съ своей красивой пустотой...
Мой гений силелъ себѣ вѣнокъ

Въ ущелинахъ кавказскихъ скалъ,
 Однимъ высокимъ увлечень,
 Онъ только жертвуетъ любви.

Въ другомъ стихотвореніи, относящемся къ этому-же времени и озаглавленномъ «Кавказъ», еще яснѣе выражается привязанность поэта къ нашему краю:

Хотя я судьбой, на зарѣ моихъ дней,
 О южныя горы, отторгнуть отъ васъ.
 Чтобъ вѣчно ихъ помнить, тамъ надо
 Быть разъ.

Какъ сладкую пѣсню отчизны моей,
 Люблю я Кавказъ.

Въ младенческихъ лѣтахъ я мать потерялъ.

Но милось, что въ розовый вечера часъ
 Та степь повторяла мнѣ памятный гласъ.
 За это люблю я вершины тѣхъ скалъ,

Люблю я Кавказъ.

И счастливъ былъ съ вами, ущелія горъ.
 Пять лѣтъ пронеслось, все тоскую по
 Васъ.

Тамъ видѣлъ я пару божественныхъ
 Глазъ—

И сердце лепечеть, воспомина тотъ взоръ:
 Люблю я Кавказъ.

Немного ранѣ этого стихотворенія, юноша—Лермонтовъ далъ въ своихъ

тетрадахъ о Кавказѣ еще болѣе вос-
торженный отзывъ:

«Синія горы Кавказа, — пишетъ онъ,
— привѣтствую васъ. Вы взлелѣяли
дѣтство мое, вы носили меня на сво-
ихъ одичалыхъ хребтахъ; облаками
меня одѣвали; вы къ небу меня при-
учили, и съ той поры все мечтаю о
васъ, да о небѣ. Престолы природы,
съ которыхъ какъ дымъ улетаютъ
громовыя тучи. Кто разъ лишь на
вашихъ вершинахъ Творцу помолился,
тотъ жизнь презираетъ, хотя въ то
мгнованье гордился онъ ею (далѣе
идеть описаніе природы):

Все, все въ этомъ краѣ прекрасно.

Воздухъ такъ чистъ, какъ молитва ре-
бенка, —

И люди, какъ вольныя птицы, живутъ
беззаботно...

Вообще въ своихъ юношескихъ те-
традахъ Лермонтовъ часто возвра-
щается въ воспоминаніямъ о Кавказѣ.

На Кавказѣ-же, повидимому, заж-
глась у ребенка-поэта та божествен-
ная искра, которая дала ему возмож-

ность создать столько замѣчательныхъ произведеній. Въ началѣ, конечно, безъ подражаній дѣло не могло обойтись.

Вотъ что, напримѣръ, записываетъ Лермонтовъ въ 1830 г.: «Еще сходство въ жизни моей съ лордомъ Байрономъ. Его матери въ Шотландіи предсказала старуха, что онъ будетъ великій человекъ и будетъ два раза женатъ; про меня на Кавказѣ предсказала тоже самое старуха моей бабушкѣ. Дай Богъ, чтобъ и надо мной сбылось, хотя-бъ я былъ такъ-же несчастливъ, какъ Байронъ».

Самыя раннія свои стихотворенія Лермонтовъ посвятилъ Кавказу. 14 лѣтъ отъ роду, въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ, онъ пишетъ поэмы «Черкесы», «Кавказскій плѣнникъ» и пр., при чемъ сильно подражаетъ Пушкину, заимствуя у него цѣлыя строки, съ небольшими только измѣненіями,

Въ 1832 г., будучи уже 18 лѣтъ, поэтъ снова вспоминаетъ Кавказъ и

создаетъ цѣлый рядъ поэмъ изъ жизни кавказскихъ горцевъ: «Ауль Бес-тунжи», «Каллы» (черкесская повесть), «Демонъ»*, «Измаиль-бей»; немного позже, въ 1833 г., — «Хаджи-абрекъ». Эта послѣдняя поэма была первымъ по времени произведеніемъ Лермонтова, явившимся въ печати, въ «Библиотекѣ для чтенія» (1835 г.), куда ее сдали товарищи поэта безъ его вѣдома.

Такимъ образомъ, первыя лучшія произведенія поэта: «Демонъ» «Хаджи-абрекъ» и «Измаиль-бей» (эту поэму считаетъ лучшей такой вѣрный цѣнитель Лермонтова, какъ извѣстный нѣмецкій поэтъ Боденштетъ) посвящены Кавказу. «Измаиль-бей» начинается даже такимъ возгласомъ:

Привѣтствую тебя, Кавказъ сѣдой,
 Твоимъ горамъ я путникъ не чужой:
 Онѣ меня въ младенчествѣ носили
 И къ небесамъ пустыни приучили.

*) Эту поэму Лермонтовъ началъ раньше, но впервые въ нее ввелъ Тамару, Гудала и кавказскую природу именно въ 1832 г.

Какъ я любилъ, Кавказъ мой величавый,
 Твоихъ сыновъ воинственные прапоры
 Твоихъ небесъ прозрачную лазурь,

Чтобы покончить въ настоящей главѣ съ дѣтствомъ Лермонтова, упомяну здѣсь-же, что судьба свела его, въ школѣ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, съ человѣкомъ, который по своей крупной военной и государственной дѣятельности, также принадлежалъ Кавказу, а именно съ кн. А. И. Барятинскимъ, учившимся въ этой школѣ одновременно съ поэтомъ. Но эти два выдающіеся человѣка не сошлись, и можно даже сказать, что на всю жизнь разошлись. Оба они были слишкомъ независимы, и совершенно достаточно было одного пустого случая, чтобъ ихъ самолюбія столкнулись. У воспитанниковъ выше-названной школы была особая страсть къ скабрзнымъ стишкамъ, и этой страсти очень удачно удовлетворялъ молодой Лермонтовъ, сочинявшій въ это время свои нецензурныя произведения «Уланша», «Монго» и пр. Ге-

роемъ одной изъ такихъ-то нескромныхъ поэмъ сдѣлался кн. А. И. Багратинскій (см. «Русск. Старину», 1882 г. № VIII), какъ неудачникъ въ одномъ любовномъ походе. Онъ, по поэмѣ, въ темнотѣ, по ошибкѣ, обнимаетъ какую-то слѣпую старушку, вмѣсто ея красивой горничной, въ чемъ и уличается свидѣтелями на мѣстѣ преступленія.

II.

Вынужденное оставленіе московскаго университета и вступленіе въ школу подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, и затѣмъ служба въ гвардіи, увлеченіе великосвѣтскою разсѣяною жизнью, романическія похождения,—все это въ теченіе 1833—37 гг. неблагоприятно повліяло на литературныя занятія Лермонтова. Въ немъ, казалось, свѣтскій человѣкъ превозмогъ поэта. Онъ мало занятъ въ это время своей музой, мало вспоминаетъ въ «вихрѣ петербурскаго свѣта» отдаленный, дикій Кавказъ.

Но нужна была трагическая смерть Пушкина, нужно было рѣзко остановиться двумъ мірамъ — сдѣлать изъ небольшихъ литературными кружками того времени, чтобъ юноша-поэтъ очнулся отъ увлеченій пустою свѣтскою жизнью своихъ родовитыхъ товарищей и вернулся къ мирнымъ кабинетнымъ занятіямъ, Онъ какъ писатель былъ кровно оскорбленъ пренебрежительнымъ отношеніемъ близкихъ къ нему людей къ его кумиру, къ его Пушкину. Стихотворенія, написанныя на смерть послѣдняго Лермонтовымъ, вооружили противъ него высшій свѣтъ, и онъ былъ сосланъ на Кавказъ, съ переводомъ въ нижегородскій драгунскій полкъ, который стоялъ то время въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ.

Ссылка на Кавказъ, которая на этомъ разѣ продолжалась около года, впрочемъ, едва-ли была для Лермонтова тяжкимъ наказаніемъ.

У него здѣсь нашлись родственники, очень радушно принимавшіе его у себя. Начальникъ штаба кавказской

арміи Петровъ былъ женатъ на двоюродной теткѣ поэта, урожденной Хаспатовой, родители которой также прѣзжали на Кавказъ и даже приобрѣли здѣсь имѣніе (сѣв. Кавк.). Сюда-же, на Кавказъ, Лермонтовъ вызывалъ своего близкаго родственника и друга дѣтства, Акима Павловича Шанъ-Гирей, который въ это время почему-то собирался ѣхать въ Америку. А. П. Шанъ-Гирей впоследствии прѣехалъ на Кавказъ, служилъ нахичеванскимъ уѣзднымъ начальникомъ и въ нахичеванскомъ-же уѣздѣ производилъ, въ купленномъ имъ имѣніи, опыты искусственнаго орошенія. Здѣсь-же поэтъ познакомился съ женою А. П. Шанъ-Гирей, Э. А. Шанъ-Гирей, хорошо извѣстной читающей публикѣ по біографіи Лермонтова.

На Кавказѣ-же Лермонтовъ подружился съ поэтомъ-декабристомъ А. И. Одоевскимъ, разжалованнымъ въ солдаты и сосланнымъ сюда изъ Сибири. Памяти этого Одоевскаго Лермонтовъ посвятилъ, между про-

чимъ, слѣдующія прочувствованныя
строки:

Я зналъ его: мы странствовали съ нимъ
Въ горахъ востока, и тоску изгнанья
Дѣлили дружно; но къ полямъ роднымъ
Вернулся я...

А онъ не дождался минуты сладкой:
Подъ бѣдною походною палаткой
Болѣзнь сразила, и съ собой
Въ могилу онъ унесъ летучій рой
Еще незрѣлыхъ, темныхъ вдохновеній,
Обманутыхъ надеждъ и горькихъ со-
жалѣній.

Другимъ утѣшеніемъ Лермонтову
въ ссылкѣ служили постоянные разъ-
ѣзды его по обѣимъ сторонамъ хреб-
та, гдѣ онъ набирался впечатлѣній
для своихъ будущихъ произведеній.

Вотъ что пишетъ поэтъ своему дру-
гу Раевскому, покидая на этотъ разъ
Кавказъ, чтобы вернуться въ гвардію.

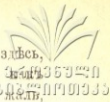
«Наконецъ, меня перевели обратно
въ гвардію, но только въ гродненскій
полкъ, и если-бы не бабушка, то, по
совѣсти сказать, я бы охотно остался
здѣсь, потому что врядъ-ли Поселеніе
веселѣе Грузіи.

«Съ тѣхъ поръ какъ выѣхалъ изъ
 Россіи, повѣришь-ли, я находился до
 сихъ поръ въ безпрерывномъ стран-
 ствованіи, то на перекладной, то вер-
 хомъ; изѣздилъ линію всю вдоль, отъ
 Кизляра до Тамани, переѣхалъ горы,
 былъ въ Шурѣ, въ Кубѣ, въ Шемахѣ,
 въ Кахетіи; одѣтый по-черкесски, съ
 ружьемъ за плечами, ночевалъ въ чи-
 стомъ полѣ, засыналъ подъ крикъ ша-
 каловъ, ѣлъ чурекъ, пилъ кахетин-
 ское... Простудившись дорогой, я при-
 ѣхалъ на воды весь въ ревматизмахъ:
 меня на рукахъ вынесли люди изъ
 повозки, я не могъ ходить—въ мѣ-
 сяцъ меня воды совсѣмъ поправили;
 я никогда не былъ такъ здоровъ, за
 то веду жизнь примѣрную; пью вино
 только когда гдѣ нибудь въ горахъ
 ночью прозябну, то, приѣхавъ на мѣ-
 сто, грѣюсь... Здѣсь, кромѣ войны,
 службы нѣту; я приѣхалъ въ отрядъ
 слишкомъ поздно, ибо Государь нынче
 не велѣлъ дѣлать вторую экспедицію,
 и я слышалъ только два—три вы-
 стрѣла; за то два раза в. моихъ путе-

шествiяхъ отстрѣливался; разъ ночью мы ѣхали втроемъ изъ Кубы, и, вѣроятно, офицеръ нашего полка и черкѣсъ (мирный, разумѣется), — и чуть не попались шайкѣ лезгинъ. Хорошихъ ребятъ здѣсь много, особенно въ Тифлисѣ есть люди очень порядочные; а что здѣсь истинное наслажденiе, такъ это татарскiя бани! — Я снялъ на скорую руку виды всѣхъ примѣчательныхъ мѣстъ, которыя посѣщалъ, и везу съ собою порядочную коллекцію; однимъ словомъ, я вояжировалъ. Какъ перевалился черезъ хребетъ въ Грузiю, тамъ бросилъ телѣжку и сталъ ѣздить верхомъ; лазилъ на снѣговую гору (Крестовая) на самый верхъ, что не совсѣмъ легко; оттуда видна половина Грузiи какъ на блюдечкѣ, и, право, я не берусь объяснить или описать этого удивительнаго чувства; для меня горный воздухъ — бальзамъ; хандра къ чорту, сердце бьется, грудь высоко дышетъ, ничего не надо въ эту минуту; такъ сидѣлъ-бы да смотрѣлъ цѣлую жизнь. — Началъ учиться

по-татарски — языкъ, который здѣсь, и вообще въ Азіи, необходимъ, французскій въ Европѣ, — да теперь не доучусь, а въ послѣдствіи могло-бы пригодиться. Я уже составлялъ планы ѣхать въ Мекку, въ Персію и проч.; теперь остается только проситься въ экспедицію въ Хиву съ Петровскимъ. — Ты видишь изъ этого, что я сдѣлался ужаснымъ бродягой, а, право, я расположенъ къ этому роду жизни. Если тебѣ вздумается отвѣчать мнѣ, то пиши въ Петербургъ, увь, не въ Царское Село; скучно ѣхать въ новый полкъ, я совсѣмъ отвыкъ отъ фронта и серьезно думаю выйти въ отставку».

Что касается литературной дѣятельности Лермонтова, то его вторичное пребываніе на Кавказѣ отразилось въ такихъ высокохудожественныхъ произведеніяхъ, какъ поэма «Мцыри», которую, вмѣстѣ съ вѣкоторыми другими критиками, г. Спасовичъ считаетъ лучшимъ твореніемъ поэта, и «Герой нашего времени». Оба эти произведе-

нія писались въ Петербургѣ вскорѣ послѣ возвращенія поэта съ Кавказа, гдѣ они, вѣроятно, были задуманы. На Кавказѣ-же, повидимому, онъ создалъ чудную «Пѣсню про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова».

Но не только путешествовалъ и мечталъ здѣсь Лермонтовъ, а и служилъ вмѣстѣ съ тѣмъ. Ему пришлось принимать участіе въ горской войнѣ, и одну изъ кровопролитныхъ стычекъ съ горцами, въ которой онъ дрался, описалъ впоследствии въ столь извѣстномъ стихотвореніи «Валерикъ».

Общее впечатлѣніе, какое осталось у Лермонтова отъ Кавказа, очень рельефно выражено въ слѣдующемъ «Посвященіи къ поэмѣ «Демонъ».

Тебѣ, Кавказъ, суровый царь земли,
Я посвящаю снова стихъ небрежный:
Какъ сына ты его благослови
И осѣни вершиной бѣлоснѣжной.
Отъ юныхъ лѣтъ къ тебѣ мечты мои
Прикованы судьбою неизбѣжной;
На сѣверѣ, въ странѣ тебѣ чужой,
Я сердцемъ твой, всегда и всюду твой.

* *
*

Этот текст, вероятно, является частью заголовка или подзаголовка, но он сильно искажен и нечитаем.

Еще ребенкомъ, робкими шагами
 Вздвигался я на гордыя скалы,
 Увитыя туманными чалмами,
 Какъ головы поклонниковъ Азлы.
 Тамъ вѣтеръ машетъ вольными крылами,
 Тамъ ночевать слетаются орлы;
 Я въ гости къ нимъ леталъ мечтой по-
 слухной
 И сердцемъ былъ товарищъ ихъ воз-
 душный.

* *
*

Съ тѣхъ поръ прошло тяжелыхъ много
 лѣтъ,
 И вновь меня межъ скалъ своихъ ты
 встрѣтилъ.
 Какъ нѣкогда ребенку, твой привѣтъ
 Изгнаннику былъ радостень и свѣтелъ.
 Онъ пролилъ въ грудь мою забвенью
 бѣдъ
 И дружески на дружный зовъ отвѣтилъ.
 И нынѣ здѣсь въ полуночномъ краю
 Все о тебѣ мечтаю и пою.

Чтобы вѣрнѣе оцѣнить это восторженное отношеніе Лермонтова къ Кавказу, нужно имѣть въ виду, что поэзія его была по характеру своему крайне пессимистической. Недаромъ Бѣлинскій замѣчалъ, что у Лермон-

това «нигдѣ нѣтъ пушкинскаго разгула на пиру жизни, но въ немъ просы, которые мрачатъ душу, леденятъ сердце». Вотъ какія, на примѣръ, признанія вырываются у поэта въ разные эпохи его жизни:

Какъ Демонъ мой, я зла избранникъ,
или:

Какъ Демонъ хладный и суровый,
Я въ мірѣ веселился зломъ.

или:

Что безъ страданья жизнь поэта,
И что безъ бури океанъ?

или:

Царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ
тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови.

Это послѣднее признаніе очень важно. Несмотря на все глубокую грусть и отчаяніе лермонтовской музы, послѣдняя читателю всегда сообщала и сообщаетъ какое-то бодрящее настроеніе. Отъ стиховъ нашего поэта вѣетъ молодостью и силой, и это едва ли не потому, что у него самого «кипѣлъ огонь въ крови». Въ произведеніяхъ поэта Бѣлинскій видитъ «избытокъ

силы, бьющій огненнымъ фонтаномъ»,
 «воплъ страданія, но вопль, ^{который} ~~который~~ ^{облегчаетъ} ~~облегчаетъ~~ страданіе».

Тому-же, кто слѣдилъ за отноше-
 ніемъ меланхолика Лермонтова къ
 нашему краю, невольно приходитъ
 мысль, что «огненный фонтанъ» его
 поэзіи находилъ себѣ главный источ-
 никъ, вѣроятно, въ нашей величествен-
 ной природѣ и въ непосредственности
 натуры кавказца.

III.

Вторая ссылка Лермонтова на Кав-
 казъ состоялась въ апрѣлѣ 1840 г.,
 вслѣдствіе дуэли съ сыномъ известна-
 го писателя-дипломата Баранта, зани-
 мавшаго въ это время постъ француз-
 скаго посланника въ Петербургѣ. Ссыл-
 ка на этотъ разъ для поэта была значи-
 тельно тягостнѣе первой: несмотря на
 заступничество вліятельныхъ лицъ,
 онъ былъ переведенъ изъ гвардіи въ
 пѣхоту, въ тенгинскій полкъ, откуда
 вернуться снова въ гвардію было чрез-
 вычайно затруднительно

Въ началѣ 1841 г. Лермонтову ^{былъ} разрѣшенъ отпускъ, чтобы ^{выѣхать} съ горячо любимшею его бабушкой, благодаря чему и пришлось ему прожить нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургѣ. Чувствуя тягость своего положенія, поэтъ среди разсѣянной свѣтской жизни не разъ грустно задумывается о своемъ будущемъ: ему приходитъ мысль оставить службу, заняться литературой, издавать журналъ, и болѣе чѣмъ когда нибудь сближается онъ съ литераторами: Краевскимъ, Бѣлинскимъ, Сологубомъ, Вяземскимъ и др. Однако этимъ предположеніямъ не суждено осуществиться, и онъ возвращается на Кавказъ въ апрѣлѣ 1841 года, вмѣстѣ съ своимъ родственникомъ и другомъ А. Столыпинымъ (Монго), и 15-го іюля того же года погибаетъ на дуэли въ Пятигорскѣ.

Подъ впечатлѣніемъ своего подневольнаго положенія Лермонтовъ на этотъ разъ чувствуетъ себя на Кавказѣ вовсе не такъ, какъ во время

первой ссылки. Ни кавказская природа, ни быть горцевъ, ни боевая жизнь уже не вдохновляютъ его. Кавказская природа и кавказская жизнь если являются въ его произведеніяхъ этого времени, то большею частью не главнымъ сюжетомъ, а лишь фономъ для картинъ совсѣмъ иного рода («Герой нашего времени»,*) «Валерикъ» и пр.)

Настроеніе поэта за это время, по нашему мнѣнію, лучше всего выражено въ слѣдующемъ обращеніи къ Казбеку:

Но есть еще одно желанье...
 Боюсь сказать... душа дрожить...
 Что... если я со дня изгнанья
 Совсѣмъ на родинѣ забыть.
 Найду-ль тамъ прежнія объятія?
 Старинный встрѣчу-ли привѣтъ?
 Узнаютъ ли друзья и братья
 Страдальца послѣ многихъ лѣтъ?

*) Изъ извѣстныхъ кавказцевъ, въ этомъ романѣ въ лицѣ Грушницкаго изображенъ Колюбякинъ—немирной, внослѣдствіи кузисскій военный губернаторъ; въ лицѣ доктора Вернера—ставропольскій врачъ Мейеръ, и др.

Или, среди могилъ холодныхъ,
 Я наступлю на прахъ родной
 Тѣхъ добрыхъ, пылкихъ, благородныхъ,
 Дѣлившихъ молодость со мной?
 О если такъ... своей метелью,
 Казбекъ, засынь меня скорѣй,
 И прахъ бездомный по ущелью
 Безъ сожалѣнія развѣй.

Это писалъ поэтъ за два мѣсяца
 до своей трагической кончины. По
 поводу своей кавказской жизни около
 того-же времени онъ предается въ
 «Валерикѣ» слѣдующимъ скептическимъ
 размышленіямъ:

Я жизнь постигъ.

Судьбѣ, какъ турокъ иль татаринъ,
 За все равно я благодаренъ;
 У Бога счастья не прошу
 И молча зло переношу.
 Быть можетъ, небеса востока
 Меня съ ученіемъ ихъ пророка
 Невольно сблизили. Притомъ
 И жизнь, всечасно кочевая,
 Труды, заботы, ночь и днемъ,
 Все размышленію мѣшая,
 Приводитъ въ первоботный видъ
 Больную душу; сердце спитъ,
 Простора нѣтъ воображенью
 И нѣтъ работы головѣ...

Не удовлетворила поэта и поэзия боевой жизни, хотя онъ принималъ въ горской войнѣ дѣятельное участіе.*) Описавъ ужасъ стычекъ съ горцами, въ томъ-же «Валерикѣ», поэтъ тотчасъ противопоставляетъ имъ слѣдующую картину.

А тамъ вдали — рядой нестройной,
 Но вѣчно гордой и спокойной,
 Въ своемъ нарядѣ снѣговомъ
 Тянулись горы — и Казбекъ
 Сверкалъ главою остроконечной,
 И съ грустью тайной и сердечной
 Я думалъ: жалкій человекъ.
 Чего онъ хочетъ?.. Небо ясно,
 Подъ небомъ мѣста много всѣмъ,
 Но безирестанно и напрасно
 Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?

Тоска и одиночество на Кавказѣ толкали молодого поэта болѣе всего дорожить бойкими группами кавказскихъ минеральныхъ водъ — Пятигорскомъ, Желѣзноводскомъ и Кисловодскомъ. Даже въ то время, несмотря несомлвавшую горскую войну, на этихъ

*) Лермонтовъ въ 1840 г. командовалъ казаками — охотниками во время похода въ Большую и малую Чечню и за отличіе по службѣ былъ представленъ къ награждѣ.

водахъ бывалъ довольно многочислен-
 ный съѣздъ; съѣзжалось сюда много
 богатыхъ людей—одни чтобы погу-
 читься, другія чтобы поразвлечься
 карточной игрой или романическими
 приключеніями. Однимъ изъ любите-
 лей послѣднихъ оказался, между про-
 чимъ, и молодой Лермонтовъ, и, вотъ,
 у него на водахъ одинъ романъ бы-
 стро смѣняется другимъ. Онъ поч-
 ти одновременно приволакивается въ
 1840 г. и за дѣвицею Ребровою (ка-
 жется, дочерью тогдашняго воднаго
 врача), и за легкомысленною фран-
 цузскою поэтессою Гоммеръ де-Гель,
 съ которой обмѣнивается стихотво-
 рными посвященіями, и не забываетъ
 въ то-же время и какой то петербург-
 ской франтихи, гостившей въ то вре-
 мя въ Кисловодскѣ (см. записки Гом-
 меръ де Гель, «Русскій Архивъ»,
 1887 г., № IX). Въ слѣдующемъ году
 Лермонтовъ особенно усердно посѣ-
 щаетъ домъ генеральши Верзилиной,
 гдѣ и сталкивается съ Мартыновымъ,
 со своимъ будущимъ убійцею.

Дѣйствительная причина дуэли, не смотря на 50 лѣтъ, протекшихъ послѣ лѣ смерти Лермонтова, до сихъ поръ не выяснена окончательно. М. ртыновъ, долго жившій послѣ того, упорно хранилъ молчаніе. Его же секундантъ, кн. Ал. Ил. Васильчиковъ, авторъ известной книги «О самоуправленіи», состоявшій въ то время чиновникомъ при сенаторѣ Ганѣ, ревизовавшемъ бавказское управленіе, напечаталъ въ «Русскомъ Архивѣ» (1875 г., № XII) письмо, въ которомъ высказываетъ мнѣніе, что «печальный исходъ былъ почти неизбѣженъ при строитивомъ, безпокойномъ нравѣ поэта». Это-же отчасти подтверждается какъ бы и самимъ поэтомъ, неоднократно высказывавшимъ и въ стихахъ, и въ разговорахъ съ знакомыми предчувствіе о своемъ близкомъ и неестественномъ концѣ. Вотъ что онъ писалъ, напр., еще въ ранней молодости:

Смерть моя ужасна будетъ...

Умру я, сердцемъ не познавъ

Печальныхъ думъ, печальной цѣли...

Вспоминая о Байронѣ, поэтъ замѣ-
чаетъ:

Я раньше началъ, кончу ранѣ,
Мой умъ не много совершить...

или:

Мнѣ мѣста нѣтъ среди людей.

Предъ послѣднимъ отъѣздомъ своимъ на Кавказъ, Лермонтовъ говорилъ гр. Ростопчиной и Соллогубу объ ожидавшей его здѣсь смерти. Г-жа Гомеръ-де-Гель, въ своихъ воспоминаніяхъ о поэтѣ замѣчаетъ, между прочимъ: «Жаль мнѣ Лермонтова, онъ плохо кончитъ».

О ближайшей причинѣ дуэли Лермонтова съ Мартыновымъ г-жа Э. Шанъ-Гирей*) рассказываетъ слѣдующее:

По воскресеньямъ бывали собранья въ рестораціи и, вотъ, именно 13-го іюля (за два дня до смерти Лермонтова) собралось къ намъ нѣсколько дѣвицъ и мужчинъ и

*) Дочь ген. Верзилина; по слухамъ, съ нея была списана княжна Мери, но Шанъ-Гирей отрицаетъ это, указывая на то, что она познакомилась съ Лермонтовымъ уже послѣ выхода въ свѣтъ „Героя нашего времени“.

порѣшили не ѣхать въ собраніе, а провести вечеръ дома, находя это и приятнѣе, и веселѣе. Я не говорила и не танцевала съ Лермонтовымъ, потому что и въ этотъ вечеръ онъ продолжалъ свои поддразниванія. Тогда, перемѣнивъ тонъ насмѣшки, онъ сказалъ мнѣ: „M-lle Emilie, je vous en prie, un tour de valse seulement, pour la dernière fois de ma vie *). Ну, ужъ такъ и быть въ послѣдній разъ, пойдѣмте. М Ю. далъ слово не сердить меня больше, и мы, провальсировавъ, успѣлись мирно разговаривать. Къ намъ присоединился Л. С. Пушкинъ: который также отличался злоязычіемъ, и принялись они вдвоемъ острить свой языкъ à qui mieux mieux**). Несмотря на мои предостереженія, удержать ихъ было трудно. Ничего злого особенно не говорили, но смѣшного много; но вотъ увидѣли Мартынова разговаривающаго очень любезно съ младшей сестрой моей Надеждой, стоя у рояля, на которомъ игралъ кн. Трубецкой. Не выдержалъ Лермонтовъ и началъ острить на его счетъ, называя его montagnard au grand poignard ***). (Мартыновъ носилъ

*) Эмилія Александровна, прошу васъ на одинъ только кругъ вальса, послѣдній разъ въ моей жизни.

**) Въ запуски.

***) Горецъ съ большимъ кинжаломъ.

черкеску и замѣчательной величины кинжалъ). Надо же было такъ случиться, что, когда Трубецкой ударилъ послѣдній аккордъ, слово „roignard“ раздалось по всей залѣ. Мартыновъ поблѣднѣлъ, закусилъ губы, глаза его сверкнули гнѣвомъ; онъ подошелъ къ намъ и голосомъ весьма сдержаннымъ сказалъ Лермонтову: „Сколько разъ просилъ я васъ оставить свои шутки при дамахъ!“—и такъ быстро отвернулся и отошелъ прочь, что не далъ и опомниться Лермонтову, а на мое замѣчаніе: языкъ мой“ М. Ю. отвѣчалъ спокойно: “ce n'est rien; demain nous serons bons amis *). Танцы продолжались, и я думала, что все кончится благополучно.

Лермонтовъ былъ товарищемъ Мартынова еще въ школѣ гвардейскихъ подпоручиковъ и по нѣскольку дней жила у него въ Желѣзноводскѣ. А для близкихъ знакомыхъ Лермонтовъ былъ добродушный и сердечный человекъ. Лишь въ обществѣ любилъ онъ вазаться бранчивымъ и безпощаднымъ Ювеналомъ. Поэтому естественно было думать, что между Лермонтовымъ и Мартыновымъ не было бы

*) Это ничего; завтра мы будемъ добрыми друзьями.

дуэли и притомъ столь жестокой, если бы тутъ не замѣшалось постороннее обстоятельство. Извѣстный биографъ Лермонтова, г. Висковатовъ доказываетъ, что чопорный свѣтъ, прїѣзжіе изъ Петербурга кавалеры не могли простить Лермонтову его дерзкаго поведенія, его ѣдкихъ остротъ и искали случая отомстить ему. Узнавъ о вышерасказанной непрїятности съ Мартыновымъ, они стали послѣдняго подговаривать ни въ какомъ случаѣ не мириться съ Лермонтовымъ, а примѣрно проучить его. Словомъ, тутъ повторилась исторія съ Пушкинымъ. Въ неравной борьбѣ съ окружавшей пошлой средой Лермонтовъ долженъ былъ неизбѣжно пасть побѣжденнымъ.

1891 г.

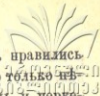

УДК 82(07) 373.01(07) 373.01(07)

РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ НА КАВКАЗѢ.

Если не принимать въ расчетъ двухъ незначительныхъ стихотвореній *Державина* и *Жуковского*, которые, не издавши Кавказа, восторгались имъ и описывали его красоты, — первыми рьяными популяризаторами Кавказа въ русскомъ обществѣ нужно признать *Пушкина* и въ особенности *Марлинскаго*, любимѣйшаго писателя своего времени. Подъ псевдонимомъ *Марлинскаго*, какъ извѣстно, скрывался декабристъ *А. А. Бестужевъ*, разжалованный и сосланный на Кавказъ. Здѣсь его романтическая жилка особенно сильно заговорила среди поэтической обстановки, и онъ посвятилъ кавказской природѣ и кавказцамъ (горцамъ) многія изъ лучшихъ своихъ произведеній. Не перечисляя разныхъ мелкихъ [его] путевыхъ замѣтокъ и

рассказовъ, уважу лишь на двѣ по-
 вѣсти, создавшія ему славу пер-
 ваго въ то время романиста, на
 „Амалать-бекъ“ и „Мудла-Нуръ“. Хо-
 тя произведенія эти и страдаютъ об-
 щими недостатками произведений этого
 писателя, недостатками, заставившими
 общество вскорѣ его вовсе позабыть,
 а именно—вычурностью слога, натя-
 нутыми положеніями и дѣтскою, од-
 нообразною идеализацію героевъ,
 но все-же очень замѣчательны они
 тѣмъ, что открывали передъ читате-
 лемъ совершенно новый для него міръ.
 Трудно было въ 30-хъ годахъ найти
 въ Россіи грамотнаго человѣка, кото-
 рый бы не зачитывался вышеназван-
 ными повѣстями и не увлекался уда-
 лымъ горцемъ Амалать-бекомъ, его
 удивительной средой и кавказскимъ
 Карломъ Мооромъ — Мудла Нуромъ. Но
 послѣдующія уже поколѣнія перестали
 читать Марлинскаго, потому что въ
 описаніяхъ Кавказа его заслонили
 произведенія другого болѣе талантли-
 ваго поэта—Лермонтова, и уже Бѣ-

линскому въ 40 хъ годахъ ^{правильно} въ повѣстяхъ Марлинскаго ^{только въ} ~~только въ~~ ^{которыхъ} ~~которыхъ~~ ^{описанія} ~~описанія~~ ^{природы} ~~природы~~ ^{и черке-} ~~и черке-~~ ^{скія пѣсни,} ~~скія пѣсни, помѣщенные въ «Амалать-бекъ». Тѣмъ не менѣ произведенія эти небезынтересны мѣстами и теперь, такъ какъ выражаютъ взглядъ гуманнаго и образованнаго современника на наши кавказскія дѣла того времени.~~

А. С. Пушкинъ, побывавши на Кавказѣ еще раньше Марлинскаго (въ 1820 и 1829 гг.), посвятилъ этому краю свои поэмы „Кавказскій плѣнникъ“ (1821 г.) и „Галубъ“ (1829 г), замѣтки „Путешествіе въ Арзрумъ“ (1829 г.) и мелкія стихотворенія: «Кавказъ», «Монастырь на Казбекѣ», „Обвалъ“ и пр. Въ первой впрочемъ изъ вышеназванныхъ поэмъ, не героиня ея—черкешенка—и не красы кавказской природы занимаютъ первое мѣсто, а русскій офицеръ, кавказскій плѣнникъ въ чайльдъ-гарольдовскомъ плащѣ. Другое болѣе зрѣлое произведеніе Пушкина—отрывокъ „Галубъ“

отличается вполне мастерской характеристикой понятий горцев объ ихъ гражданскомъ долгѣ. „Путешествіе въ Арзрумъ“—это рядъ летучихъ, но часто очень остроумныхъ замѣтокъ о военно-грузинской дорогѣ и ея окрестн. жителяхъ, о достопримѣчательностяхъ Тифлиса и о разныхъ мѣстностяхъ Арменіи, въ то время завоеванныхъ графомъ Паскевичемъ, и пр. Вышеперечисленныя-же мелкія стихотворенія посвящены поэтической природѣ кавказскихъ горъ и написаны обычнымъ легкимъ, чисто-пушкинскимъ стихомъ.

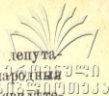
Имя *А. С. Грибоедова* также связано съ Кавказомъ, но не столько въ литературномъ отношеніи, сколько въ семейномъ и служебномъ. Послѣ трехгодичнаго пребыванія своего въ Персіи, въ качествѣ чиновника русскаго посольства, онъ былъ въ 1824 году переведенъ въ Тифлисъ на службу въ Ермолову. Здѣсь онъ, оставаясь годъ, отдѣлалъ начатую имъ раньше безсмертную комедію «Горе отъ

ума*). Вліянію-же Кавказа нужно приписать появленіе его, малоизвѣстной. Впрочемъ, поэмы „Грузинская ночь“. Въ 1828 г. Грибоѣдовъ женился на дочери извѣстнаго грузинскаго поэта и генерала кн. А. Г. Чавчавадзе, а въ слѣдующемъ году его уже не стало: онъ, какъ извѣстно, палъ въ Персіи жертвой разъяренной черни. Грибоѣдовъ похороненъ вмѣстѣ съ женою въ Тифлисѣ на живописномъ мѣстѣ, на горѣ св. Давида. Его кратковременная дѣятельность на Кавказѣ не прошла безслѣдно, и его гуманнныя совѣты въ отношеніи управленія краемъ не остались безплодными, въ виду его близкихъ отношеній къ Ермолову и гр. Паскевичу. Вотъ что по этому поводу пишетъ одинъ изъ біографовъ Грибоѣдова:

*) По этому случаю Бѣлинскій остроумно замѣчаетъ: „Дикая и величавая природа этой страны (Кавказа), текучая жизнь и суровая поэзія ея сыновъ вдохновили его (Грибоѣдова) оскорбленныя человѣческія чувства на изображеніе апатическаго, ничтожнаго круга Фамусовыхъ, Скалозубовъ, Загорѣцкихъ, Хлестовыхъ—этихъ каррикатуръ на природу человеческую“.

«Грибоѣдовъ былъ однимъ изъ пер-
 выхъ русскихъ, съ любовью относившихся
 къ нашему краю: трезво смотрѣлъ
 на его будущность и горячо сочув-
 ствовалъ его судьбамъ.»

„Онъ одинъ изъ первыхъ—если не
 первый—сумѣлъ повяты, что на Кав-
 казѣ живутъ и будутъ жить люди,
 достойные симпатіи, поддержки и
 любви со стороны всѣхъ порядочныхъ
 людей русской земли. Изъ писемъ его
 къ гр. Паскевичу видно, что онъ смо-
 трѣлъ на установленіе правильныхъ
 отношеній власти къ мѣстному насе-
 ленію глазами просвѣщеннаго и даль-
 нозорькаго государственнаго человѣка.
 Онъ возставалъ въ этихъ письмахъ
 противъ скороспѣлаго и необдуман-
 наго навязыванія мѣстнымъ племенамъ
 чуждыхъ имъ законовъ, „которыхъ
 никто не понимаетъ и соблюдать не
 хочет!“ Онъ совѣтовалъ «оставить
 народу нетронутыми его обычные вы-
 борные суды, къ которымъ онъ имѣ-
 етъ довѣріе, и, по возможности, не
 касаться внутренней администраціи.»

ограничиваясь назначеніемъ депута-
товъ отъ правительства въ народный
управленія и суды». Живые свидѣ-
ли благотворнаго дѣйствія этихъ муд-
рыхъ мѣръ, примѣненныхъ десятки
лѣтъ спустя послѣ смерти Грибоѣ-
дова, — мы, болѣе чѣмъ кто-либо, мо-
жемъ оцѣнить ту глубокую любовь,
которая диктовала симпатичному по-
эту эти совѣты и указанія. И вотъ
почему мы вдвойнѣ цѣнимъ его: какъ
поэта и какъ гражданина родной зем-
ли. («А. С. Грибоѣдовъ», кн. Д. Г.
Эристова, Тифлисъ, 1879 г.).

Ближе всѣхъ подошелъ къ Кавказу
М. Ю. Лермонтовъ. Но я о немъ здѣсь
не буду говорить, такъ какъ въ на-
стоящей книжкѣ ему посвященъ осо-
бый очеркъ. Изъ послѣдующихъ по-
этовъ, посѣтившихъ Кавказъ, слѣдуетъ
упомянуть о *В. Солмогубѣ* и *Я. По-
лонскомъ*. Они воспользовались госте-
примствомъ перваго кавказскаго на-
мѣстника гр. М. С. Воронцова и по-
бывали нѣкоторое время въ Тифлисъ,
гдѣ принимали участіе во вновь осно-

важной русской газетѣ «Кавказъ». Они оба коснулись въ этой сферѣ новаго предмета. Въ то время, какъ и Марлинскій, и Пушкинъ, и Лермонтовъ описывали почти исключительно горы и ихъ жителей, Соллогубъ и Полонскій, живя въ Тифлисѣ, посвятили свои произведенія преимущественно Закавказью или, вѣрнѣе сказать, Грузіи. Гр. Соллогубъ, кромѣ множества стихотвореній, написалъ въ это время біографію извѣстнаго кавказскаго героя, ген. Котляревскаго, два фарса «Ночь въ духанѣ» и «Грузія черезъ тысячу лѣтъ или ночь передъ свадьбой» и путевыя замѣтки фельетоннаго характера, касающіяся почти исключительно чисто-внѣшней, декоративной стороны описываемыхъ предметовъ и поэтому уже значительно теперь устарѣвшія *). Я. Полонскій же посвятилъ Кавказу нѣсколько стихотвореній—«Сатаръ» (туземный пѣ-

*) Большинство этихъ произведеній вошло въ полное собраніе сочиненій гр. Соллогуба, изданное въ 1855 г.

вещь) и др., отличающіяся обычными достоинствами его произведений.

Гр. Л. Толстой свою литературную дѣятельность, можно сказать, началъ на Кавказѣ; онъ здѣсь, поступивъ въ военную службу, въ ту-же часть, въ которой служилъ его старшій братъ, — въ 1851 и 52 гг. написалъ извѣстные рассказы «Дѣтство и отрочество» и «Набѣгъ»; здѣсь-же были начаты повѣсти «Утро помѣщика» и «Казакъ». Въ небольшихъ очеркахъ «Набѣгъ», «Рубка гѣса» и «Встрѣча въ отрядѣ съ московскимъ знакомымъ (изъ записокъ Нехлюдова)» авторъ даетъ нѣсколько батальныхъ картинъ и немногими штрихами, но очень реально обрисовываетъ разные типы офицеровъ и солдатъ. Болѣе крупнымъ произведеніемъ гр. Л. Толстого, посвященнымъ Кавказу, слѣдуетъ считать пов. «Казакъ». Здѣсь авторъ рисуетъ безъ искусственный бытъ терскихъ казаковъ, давно уже переселившихся на Кавказъ и сроднившихся съ горцами; главную-же роль въ повѣсти играетъ

русскій офицеръ—Оленинъ, герой въ духѣ Жанъ-Жака Руссо, гатый человѣкъ, промѣнявшій столичную свѣтскую жизнь на жизнь простого казака. Оленинъ желаетъ стать ближе къ природѣ и патриархальному быту ея дѣтей, но не достигаетъ своей цѣли, остается непонятымъ ими и покидаетъ казаковъ съ разбитыми мечтами юности. Въ 1853 г. гр. Толстой оставилъ службу на Кавказѣ, перенесши свою дѣятельность на Дунай и въ Крымъ, но Кавказъ повидимому оставилъ въ немъ сильное впечатлѣніе и къ воспоминаніямъ о немъ онъ возвращается и въ 60-хъ годахъ, доканчивая свою повѣсть «Казаки», и въ 70-хъ годахъ, составляя рассказы для дѣтей (см. его рассказъ «Кавказскій плѣнникъ»).

Совершенною противоположностью реализму произведеній гр. Л. Толстого представляетъ анекдотичность романа *А. Дружинина* «Легенда о кислыхъ водахъ» (см. отд. изд. «Сочиненій А. Дружинина» и «Соврем.» за 1855 г.).

Въ произведеніи этомъ въ легкомъ, фельетонномъ стилѣ рисуются ническія натуры à la Печоринъ, алыми женщины въ родѣ княжны Мери, дикіе кавказцы, ходульные «водяные» любовники и водевильные игроки. Гораздо болѣе художественнымъ нужно признать рассказъ Дружинина-же «Мадемуазель Жанетъ», написанный въ жоржъ-зандовскомъ духѣ, съ героинею, черкеской дѣвушкой, отдавшей преимущество предъ своими знатными женихами никому иному, какъ простому уряднику.

Въ шестидесятыхъ годахъ прекратилась кавказская горская война, въ тому-же у русскаго общества открылась возможность заниматься своими внутренними вопросами и фантастическій Кавказъ понемногу исчезаетъ изъ русскаго романа. Уже въ рассказѣ А. Дружинина «Русскій черкесь» (1855 г.) осмѣливается типъ пожилого помѣщика, вообразившаго себя кавказцемъ и ѣдущаго на Кавказъ искать своихъ родичей и воевать

съ горцами. Герои русскаго реального романа уже не облакаются въ гарольдовскій плащъ и не ищутъ приключеній на «погибельномъ Кавказѣ», а живутъ дома и стараются здѣсь реализовать свои возвышенныя стремленія. Юноша *Надсонъ*, случайно побывавшій въ 1879 г. на Кавказѣ, посвящаетъ ему одно свое стихотвореніе, и въ немъ хотя и восторгается кавк. природой, но съ грустью вздыхаетъ о хмуромъ сѣверѣ, который поэту все же милѣе незнакомой ему окраины.

Гл. Успенскій также заглядываетъ въ эту окраину, но не для того, чтобы восхищаться ею и интересоваться ея кореннымъ населеніемъ, а чтобы познакомиться съ бытомъ сектантовъ, переселившихся изъ внутреннихъ губерній, и русскихъ рабочихъ на Божьемъ Промыслѣ и въ Баку (см. «Путевые очерки», «Отечеств. Зап.» 1883 г.). Путевыя замѣтки *Гл. Успенскаго* касаются между прочимъ нѣсколькихъ типовъ русскихъ переселенцевъ на Кавказѣ и положенія ихъ на горахъ.

и у горь, среди казаковъ. А очеркъ его-же «Вольный казакъ» рисуетъ типъ русскаго Жиль-Блаза, часто попадающійся и на Кавказѣ. Всѣ эти очерки написаны со свойственнымъ Гл. Успенскому талантомъ и теплотой и лишь мѣстами страдаютъ излишнею идеализаціею русскаго простолюдина (см. напр. характеристику понятій бакинскаго рабочаго о женщинахъ).

Изъ поэтовъ-кавказцевъ, познакомившихъ русскую публику съ туземной поэтич. ской литературой, необходимо упомянуть о г. *Тхоржевскомъ*, многіе переводы котораго изъ извѣстныхъ грузинскихъ поэтовъ по своимъ достоинствамъ мало чѣмъ уступаютъ оригиналамъ. Въ заключеніе упомянемъ также о военныхъ разсказахъ *Ив. Щелова*. Сцены того-же автора «Въ горахъ Кавказа», осмѣивающія похождения посѣтителей кавказскихъ минеральныхъ водъ, имѣли успѣхъ на столичныхъ сценахъ.

Изъ новѣйшихъ русскихъ беллетристовъ наиболѣе связанъ съ Кавказомъ

Макс. Горькій (Пѣшковъ). Онъ здѣсь изъ простаго чернорабочаго, подъ вліяніемъ мѣстной интеллигенціи, преобразился въ писателя. Первое его произведение «Макаръ Чудра» было напечатано въ газ. «Кавказъ (подъ редакціей Ю. Н. Милюгина). Въ одномъ изъ его первыхъ, наиболѣе удачныхъ разсказовъ «Мой спутникъ» героемъ является кавказецъ кн. Шахро Птадзе. Нелестно для кавказцевъ, что авторъ выбралъ типъ эгоиста и циника, но нельзя упрекнуть его въ этомъ, такъ какъ самъ авторъ снисходителенъ къ своему герою. Это обыкновенный у Горькаго типъ босняка, эгоистъ въ ничшеанскомъ духѣ. Свой разсказъ г. Горькій заключаетъ слѣдующимъ замѣчаніемъ: «Я часто вспоминаю о немъ (о Птадзе) съ добрымъ чувствомъ и великимъ смѣхомъ. Онъ научилъ меня многому, чего не найдешь въ толстыхъ фолиантахъ, написанныхъ мудрецами, — ибо мудрость жизни всегда глубже и обширнѣе мудрости людей.»

ОГЛАВЛЕНІЕ

647135320
6162207101333

Предисловіе	1
Г. Е. Церетели	3
И. Л. Бахтадзе (Хонели)	19
Г. А. Джаншіевъ	34
Г. С. Теръ-Степановъ	41
А. В. Степановъ	46
Г. І. Арцруни	64
П. А. Измайловъ	79
Ал. Казбекъ	102
Кн. Раф. Эристовъ	112
Кн. Вахт. Орбеліани	119
И. Ниношвили	126
Зур. Антоновъ	130
Лавр. Ардазіани	138
Ник. Бараташвили	149
М. Ю. Лермонтовъ	162
Русскіе писатели на Кавказѣ	194